

РЕГИОНА
РАУЭР

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

или

ДНЕВНИК ВАРВАРЫ ЛГУНОВОЙ

Регина Рауэр

**Три желания, или Дневник
Варвары Лгуновой**

«Автор»

2023

Рауэр Р.

Три желания, или Дневник Варвары Лгуновой / Р. Рауэр —
«Автор», 2023

«Напиши свои желания до полуночи, и они исполнятся к сентябрю», – пообещал мне один настырный парень в мой самый невезучий день. «Хочу найти жилье, ручного енота и встретить парня, что окажется любовью всей моей жизни», – старательно и послушно вывела я в состоянии нестояния за пять минут до полуночи. А на следующий день... я нашла квартиру, обзавелась енотом и познакомилась с любовью всей моей жизни. И совсем неважно, что квартиру я теперь снимаю со самым странным типом на свете, енота мне дала на время подруга, а на роль «любви всей моей жизни» претендуют сразу три парня. Я, Варвара Лгунова, справлюсь со всем!

Содержание

31 мая	5
1 июня	9
2 июня	15
3 июня	23
4 июня	30
5 июня	32
7 июня	38
8 июня	44
11 июня	51
12 июня	53
13 июня	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Регина Рауэр

Три желания, или Дневник Варвары Лгуновой

31 мая

Когда-то кто-то умный, а иных на цитаты не разбирают, сказал: «Credo quia absurdum»¹.

Чуть позже, не менее кто-то умный решил, что сие молвил Тертуллиан, полным именем которого я бессовестно проверяю друзей на трезвость. Поверьте, выговорить под градусом Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан в правильной последовательности есть задача не из простых, а уж вспомнить, чем, собственно, он знаменит, задача невыполнимая.

Сложнее только...

Так, ладно, отвлеклась.

К чему я это вообще вдруг вспомнила?

К тому, что это чёртово «Credo quia absurdum» было единственным, что я смогла посоветовать квартирной хозяйке, когда она, поправив очки, душевным тоном спросила меня: «Дорогая, и почему я должна поверить, что просроченную уже на три дня оплату, ты отдашь до конца этой недели?»

В общем, признаю: мой ответ был немного остроумным и много глупым, поскольку – к моему невезению и величайшему огорчению – эта образованная женщина с латынью оказалась знакомой, меня поняла и...

...и дверь квартиры громко хлопнула у моего лица.

А я и мой красивенький дорогой, а оттого любимый розовый чемодан очутились на лестничной площадке. Что ж... наручные часы весело отсчитывали девятый час утра, а я ещё более весело и заковыристо – ступеньки лестницы, поелику лифт – новый и фешенебельный, прям как дом – находился в режиме вечного ремонта.

Двор встретил меня жарой, особо ощутимой после прохлады подъезда, бьющим в глаза солнцем и радостным визгом детей. И пока я прикидывала расстояние «крыльцо-асфальт» и соотносила его с собственными силами, зазвонил телефон.

Противно так зазвонил.

Настойчиво.

Как он умеет звонить только в самые неудобные моменты жизни. И, конечно, я перетряхнула всю сумку прежде, чем выловить его и, сдувая прилипшие к лицу волосы, прочитать на загоревшемся экране: «Любимый».

– Да?!

Наверное, моё злобное рявканье было не тем, что ожидали услышать от меня, но на большее моих сил не хватило. Впрочем, и его растеряннo-обреченный ответ тоже был совсем не тем, чего ожидала я.

– Солнце, а ты уже всё знаешь, да?

– Что знаю, Вадик? – переспросила я, переставая тянуть чемодан и выпрямляясь.

И да, согласно законам жанра, подлости, а заодно и Мёрфи, мой *любимый* – единственный и неповторимый – слёзно раскаялся и чистосердечно признался, что в его жизнь нагрянула любовь, точнее вернулась...

«...старая, пыльная и пропахшая нафталином», – мысленно и злорадно закончила я...

¹ Credo quia absurdum (от лат.) – «Верую, ибо абсурдно»

«...единственная, неповторимая и незабываемая», – проныл Вадик.

Кристина.

Так звали эту... любовь, что к тому же приходилась боевой подругой детства. Ещё первой красавицей класса. И первой и, как оказалось, незабываемо-единственной любовью и страстью Вадика.

Что ж... желаю счастья!

Правда, на робкое Вадикино: «Ну не молчи, Солнце, скажи хоть что-нибудь!» я проникновенно сказала совсем другое.

Латынью я сказала.

Что прямо-таки привязалась ко мне с утра.

– *Pedicabo ego vos et irrumabo...* – если быть точнее, произнесла я, с чувством процитировав первую строчку шестнадцатого стихотворения Катюлла.

Вадик латыни не знал.

Но зато неплохо знал меня, а потому обиделся он пронизательно.

– Злая ты, Варька! – провозгласил оскорблённый в лучших чувствах бывший любимый и звонок сбросил.

А я со злости пнула чемодан, сломала каблук и подвернула ногу.

Нет, это был точно не мой день.

К двум часам дня невезение достигло апогея.

Воплотилось в приставучего и какого-то несуразного парня, выраженного в ярко-оранжевую футболку и кислотно-зелёного цвета бейсболку. Он нарезал круги вокруг меня и зазывательно-оглушительно вопил:

– Девушка, девушка, только сегодня, в последний день весны, примите участие в нашей акции: «Здравствуй, лето, я пришла к тебе с приветом!». Протестируйте наш крем от загара «Белоснежное сияние» и получите в подарок личный дневник! Красивый дневник для красивой девушки! Лучший друг и советчик! С ним вы сможете делиться самым сокровенным!

С чемоданом наперевес уйти быстро, красиво, а главное по-английски было невозможно, да и солнце, палящее пусть и не в зените, но около него, окончательно меня разморило, привело к мысли, что искать другое место влом.

Конкретно.

А ещё неразумно.

Не найти больше пустых скамеек в тени и хоть какой-то прохладе парка, а потому сидеть я упорно продолжила, слушала с ленивой усмешкой эту банальную агитацию и изредка поглядывала на часы.

До пяти было ещё далеко, а раньше Мила – не Люда и не Людмила, а только Мила! – в своём магазине не освободится и меня, бедную и несчастную, к себе в квартиру на пару дней перекантоваться не заберет.

А, значит, сидеть мне смиренно, ждать и скучать.

Смотреть.

На парня, что крутиться рядом продолжал, скакал собачкой за проходящими мимо представительницами прекрасного пола от шестнадцати и до бесконечности, и... и ко мне он неизменно возвращался.

– Девушка...

– Почему дневник? – я поинтересовалась неожиданно даже для себя, спросила исключительно от скуки. – И почему Фета так безжалостно перевираем? Плагиатим?

Парень запнулся, осекся, остановился и глазами растерянно захлопал. Привычный сценарий, определённо, дал сбой. Не он пристаёт к прохожим, а к нему, да ещё и с такими глупыми вопросами!

Мне же было любопытно, как он выкрутится.

Но... знаток поэзии меня разочаровал: хлопнув ресницами в последний раз, он жалобно переспросил:

– Фет?!

– Ага, – я подтвердила охотно и, округлив глаза, страшным шёпотом спросила. – Ты чё, Фета не знаешь?!

– Не-е-ет, – парень сглотнул нервно, оглянувшись с опаской. – Он парк держит, да? Бить будет за то, что я тут без разрешения?

Последнее прозвучало совсем уж обреченно, а я откинулась на спинку скамейки и поняла, что временами разделяю мнение старшего поколения о необразованности молодежи.

О tempora! О mores!²

Тьфу ты, чёртова латынь!

Привязалась.

Ладно, я буду искренне надеяться, что про Пушкина юное дарование хотя бы слышало, но спрашивать лично не рискну. Вопреки злым и, конечно, беспочвенным слухам нервная системы у меня всё же имелась, причем не железная.

Впрочем, глупость – это дар небесный для неглупых, образованных и бессовестных гадов вроде меня. И вообще, как пел ещё кот Базилио: «Покуда есть на свете дураки, обманом жить нам, стало быть, с руки», поэтому прости, Афанасий Афанасьевич!

– Будет. Бить, – я улыбнулась счастливо и безмятежно, стала с преувеличенным интересом разглядывать маникюр, что в лучах солнца переливался красиво. – Сказал, что все зубы пересчитает и обе почки перебьет, если ты не уйдешь отсюда прямо сейчас.

– К-когда? – «образованное чудо» изумилось и глаза вытаращило вопросительно.

Логично.

Я тут уже часа два сижу, давно могла сказать, но... ответ у меня нашёлся:

– Сейчас. Позвонил, пока ты вон той тётке крем свой впаривал.

– А-а-а, – парень протянул задумчиво, почесал, сдвинув бейсболку, затылок и зачем-то вытащил подарочный дневник кислотно-розового цвета. – Вы это, возьмите для Фета, ну чтоб... мне нельзя зубы считать, я их только вылечил.

Весомый аргумент.

Стоматолог нынче дорогой.

– Давай.

Дневник, протянув руку, я взяла быстро, пообещала передать, уверила, что розовый цвет Фета не смутит и не обидит. И пальцами по спинке скамейки, ожидая, когда это «чудо умное» уйдет куда подальше, я демонстративно забарабанила.

Только вот «чудо» почему-то не сваливало, переминалось с ноги на ногу и смотрело на меня телячьими глазами.

Так, что я, тяжело вздохнув, спросила:

– Ну?

– Так это... если что, дневник волшебный, – он известил со странной улыбкой. – Всё, что вы напишите сегодня на первой странице до двенадцати ночи, сбудется к началу осени! Есть только одно условие – вы должны вести дневник не реже трёх раз в неделю!..

Приехали.

«Чудо умное» оказалось к тому же психом.

Но... ответить я не успела.

² О tempora! О mores! (от лат.) – «О времена! О нравы!»

Поднялась от соседней скамейки ввысь встревоженная детьми стая голубей, скрывая от меня потенциального гостя Канатчиковой дачи, а когда они улетели, парень... исчез. Оставил меня растерянно моргать и оглядываться по сторонам.

Безрезультатно.

Последователя Копперфильда и фаната Гудини, даже поднявшись и сделав пару шагов, я нигде не увидела.

Прижала крепче к себе дневник, который доказывал, что мальчик был.

Был, но пропал...

Точнее, быстро слинял, а потому в волшебство дневника я не поверила. Не кинулась скорей писать желания и радостно прыгать от подобного подарка небес. Я лишь цинично хмыкнула, сунула девчачью мечту в сумку и продолжила ждать Милу. На вечер у нас была запланирована прекрасная программа, которая начиналась с вино-водочного магазина и именовалась «Все мужики сво...»

Мой любимый Вадик и самая лучшая на свете «Кристиночка», что была и нашей с Милой одноклассницей, определённо заслуживали икоту на весь вечер, а мы – право перемыть им все кости.

Жаль, не в прямом смысле.

За десять минут до полуночи, бросив в кухне-гостиной уснувшую Милу, я в состоянии нестояния поползла в прихожую, к любимо-ненавистному чемодану и сумке, в которой истошно разрывался телефон.

Звонила мама.

А у меня звенело в голове от сложной умственной деятельности и нелёгкого выбора. Что же страшнее: узнать, что твоя дочь – алкоголичка, или решить, что её убили в особо извращённой форме, и начать обзванивать морги?

Мама ведь радикально мыслит.

Масштабно, так сказать.

Один пропущенный и всё: я с перерезанным горлом валяюсь в канаве или продана на органы и в рабство одновременно. Пессимистичный у неё, конечно, взгляд на жизнь и полное отсутствие веры в меня.

Да.

Поэтому, подумав и прикинув последствия, на звонок я таки ответила, объявила, что спать уже легла, ибо у нас в отличие от Гаваны на дворе ночь. Уверила, что голос у неразумного ребёнка не пьяный, а сонный, и завтра я ей позвоню.

Обязательно.

Ещё через пять минут, опустив замолчавший телефон на пол, я заметила вывалившийся из сумки дневник. И не знаю, как дневник, а я – да, волшебная... дура, потому что дневник я открыла и, с трудом отыскав ещё ручку, села писать желания.

Говоришь, исполнятся до сентября, юное дарование?!

Посмотрим.

Высунув от усердия кончик языка и тихо фыркая от еле сдерживаемого смеха, я принялась сочинять.

Интересно, тут как во всех сказках – лимит на три желания или можно больше?

А, впрочем, больше я придумать не успела.

Часы гостиной отбили полночь, а я зевнула и поняла, что пора спать. Волшебство волшебством, а поиски квартиры с утра никто не отменял.

1 июня

Утро, похмелье, ненависть ко всему миру в апогее и игрушечный енот. О последнего я запнулась в коридоре, свалилась, и на меня снизошло озарение.

– Ми-и-ил, я поняла почему енот!

С кем вчера обнималась, я поняла тоже.

Подруга же с банкой рассола в обнимку выглянула из кухни и, мрачно поглядев на меня, проворчала:

– А я нет. Обычно белки приходят. Впрочем, у тебя всегда всё не как у людей.

Я закатила глаза.

То, что я умудрилась заболеть во время экзаменов, а после из-за меня одной закрывали всю школу и я писала историю в резервный день, она будет помнить долго. Примерно, как и все учителя. Два года прошло, а они до сих пор меня на улице узнают.

Злопамятные люди.

– Я про второе желание, – от её сарказма я отмахнулась. – Я поняла, почему загадала енота.

Для убедительности пнула её метровый пылесборник, подаренный на прошлый день рождения ненаглядным Юрочкой.

Кстати, о Юрочке.

– Твой когда возвращается?

– Послезавтра, – Мила зевнула и убедительно заверила, – но ты не волнуйся, он тебе будет рад.

Ага, очень.

Как Рязань монголо-татарскому нашествию с Батыем во главе.

Я улыбнулась сладко, поверила безоговорочно и, открыв ноутбук, села искать жильё.

К семи вечера ноутбук был на грани смерти, а я на грани истерики, депрессии и открывания бутылки рома, что была случайно обнаружена в закромах Юрки ещё вчера. Ноутбук от смерти спас найденный под подушкой зарядник, а меня от алкоголизма и нервного срыва, как мне сказали пару минут спустя, звонок Ромки.

Ромочки.

Моего Ромео, что являлся лучшим другом.

Он же мой пожизненный крест, жилетка во время всевозможных катастроф, генератор безумных идей, редкостный пофигист и даже мой двухчасовой сокамерник в обезьяннике, откуда нас вытаскивали его родители.

И вчера в первую очередь я бы позвонила именно ему, но Ромка был в Казани на очередных соревнованиях по кудо, которым занимался он со школы и которое я с переменным успехом путала то с дзюдо, то с тхэквондо.

– Варвар, я вернулся! – громогласно радостно провозгласил он.

– Ромка! Ромочка!!!

Депрессию и все прочие неприятности сняло как рукой. Я же, визжа от радости и счастья, заскакала зигзагами по комнате и скорчила страшно-довольную рожу Миле, что пыталась успокоить и напомнить, что внизу соседи.

А соседи – хоть и с натяжкой – всё же люди.

– Ром, через час в нашей кафешке, – уворачиваясь от подруги и подушки, проорала со смехом я. – Срочно-срочно, жду тебя!

Телефон Ромкиным голосом без малейшего удивления, будто я его дёргала подобным образом минимум раз в неделю, пообещался быть через час в кафе.

Как штык.

Он отключился, а я с радостными воплями: «Милка, Ромка приехал!» и под куда менее радостные: «Заткнись, полиция приедет!» принялась собираться.

За неделю отсутствия Ромочка оброс как бирюк и стал похожим на бродягу со стажем, который что такое бритва давно забыл. И борода на его скуластой физиономии смотрелась дико, чужеродно, кололась, но повиснуть на крепкой шее она мне всё одно не помешала.

И от избытка чувств я его почти придушила.

– Варвар, ещё немного и у меня констатируют асфиксию, – просипел в конце концов Рома.

И, расцепив мои руки, от себя отодвинул, посмотрел пристально и изучающе своими зелёными глазницами в обрамлении длинных-длинных чёрных ресниц. Один взгляд таких глаз, и девицы к его ногам падали штабелями, особенно если плюсом шла улыбка а-ля Бельмондо и неповторимая харизма.

Я, кстати, тоже падала.

От зависти.

С раннего детства считала, что самой крупной подлостью, а также несправедливостью со стороны высших сил было одарить подобной внешностью Ромку и подсунуть мне самые обычные, непримечательные серо-голубые глаза с самыми обыкновенными ресницами.

Генетика определено где-то дала сбой.

– Варвар, рассказывай чистосердечно, – велел объект тайной зависти, закончив сканировать мою неидеальную внешность.

А я вздохнула и чистосердечно рассказала.

Про квартиру, моё печальное выселение и почти пустой кошелёк, ибо деньги, используя заначку на самый-самый чёрный день, хозяйке отдавать-таки пришлось. И потому ждать мне теперь недели две, пока за репетиторство, которым я так неплохо занималась последние полгода, мне обещано заплатят.

Про Вадика, любимого и единственного, я говорить не стала, иначе пришлось бы искать чёрное платье и выбирать венки. Рома обиделся бы куда больше и ощутимей меня, узнай, что его Варвара бросили, да ещё и по телефону.

Он и без того Вадика всегда недолюбливал.

– Н-да, косячить у тебя получается и без меня, Варвар, – подвёл итог под моей исповедью Ромочка и выразительно вздохнул.

Посмотрел.

Ну да, ну да, косячу.

Только всё равно не так шедеврально, как с ним. Самые эпичные подвиги, как ни крути, у нас всегда свершались на двоих. Один пожар в родном кабинете химии до сих пор помнят и в пример «как НЕ надо делать» приводят.

От воспоминаний я улыбнулась.

– Квартиру-то нашла?

А от вопроса снова помрачнела и поморщилась.

– Нет.

Триста сорок семь объявлений и ни-че-го.

Снимать с кем-то незнакомым, деля трудности квартплаты и быта, я не хотела, а в одиночку мне была доступна либо самая окраина, из которой до универа добираться часа два без пробок, либо кошмар с тараканами, пьяными соседями и даже туалетом на улице.

Чего только в центре города не найдешь...

– Варвар, ты обнаглела, – откидываясь на спинку стула, фыркнул Рома. – Я в общаге живу и ничего, нормально.

– Студенческой, блочной, с евроремонтом и соседом, который уже полгода не появляется, – я почти взвыла.

Некоторые после получения аттестата, медали и скупой слезы химички, коя тихо радовалась, что «птенцы покинули гнездо родное», решили годик отдохнуть. Ибо, сдав семь из пятнадцати предметов всеми обожаемого ЕГЭ, Ромочка вдруг ясно осознал, что понятия не имеет, кем хочет быть, а потому не видит он смысла подавать куда-либо документы. И как человек, отличающийся умом, сообразительностью, а заодно безграничной храбростью, Ромка всё это прямо высказал родителям и, что самое удивительное, даже выжил.

Успел удрать через забор ко мне.

И следующие две недели того жаркого во всех смыслах лета я осваивала роль парламен-тера, отпаивала Тарасовых-старших валерьянкой и таскала Ромочке в гараж шерстяные носки с пирогами от бабки, которая была уверена, что любимый внучок голодает и мерзнет.

Однако, что ещё более удивительно, через год, когда все успокоились и смирились, что в семье не без уroda – подумаешь, оба родителя кандидаты наук, а дед был академиком, – Ромка взял и поступил в медицинский.

Валерьянку пришлось доставать снова.

И даже мне.

Вы мартышку с гранатой хорошо представляете?

Ну вот Ромочка с его пофигизмом, помноженным на сострадание к людям, и медицина примерно тоже самое.

В смысле, возможно, но опасно и непредсказуемо.

– А в ваших места так и не появились?

Я отрицательно помотала головой.

В наших общагах мне не светило от слова «совсем».

– Слушай, Варвар, – Ромка вдруг подался вперёд, щёлкнул пальцами и азартно сверкнул глазами, – у меня есть идея!

Можно я не буду уточнять, что все наши неприятности начинались именно с этих слов?!

– Нет.

– Да.

– Нет.

– Да.

– Ромка, блин!

– Оладушки, Варвар, соглашайся, – Мефистофелем искушал меня этот... лучший друг, а после перешёл на угрозы. – Лучшего варианта ты не найдешь.

Вот же...

Да.

Не найду, но...

– Жить с незнакомым парнем – это, по-твоему, лучший вариант?!

Мы с Вадиком-то встречались почти год, но так и не решились съехаться!

А тут...

– Почему сразу незнакомый?! – мой лучший друг, взирая наичестнейшими глазами, возмутился натурально и очень искренне. – Я ж сказал, зовут Дэнном, он староста соседней группы. Тебе мало, что ли?

– Ну, даже не знаю, – я крутанулась на каблуках и, тыкая ему в грудь пальцем в такт каждому слову, стала наступать. – Дэн, староста. Два слова, а сколько смысла! Прямо-таки сразу вся биография человека открылась! Знаешь, про Железную маску и то больше информации было!

– Варвар, – Ромочка, переставая подхалимски улыбаться, перехватил мою руку и проговорил с редкостной для него серьёзностью. – Я за Дэна ручаюсь, как за себя. Мне-то ты доверяешь?

Доверяю.

И это было главным аргументом.

Вторым шло то, что за квартиру платить всего семь тысяч. Правда, плюсом я должна была готовить, поскольку некоторые не умели и вообще некогда им было, сессия у них и учёба, которая к круглогодичной сессии приравнивалась.

Третьим же доводом было то, что квартира находилась в тридцати минутах от моего университета, если топать пешком, а на транспорте выходило и того ближе.

В-четвертых... в-четвертых, у Ромы был аргумент про красивый вид из окна, огромный пруд и сквер с фонтанами. Разливался он соловьём, рассказывал столь живописно, что, дослушав, я похлопала его по плечу и с задушевной интонацией обрадовала:

– Ромка, в тебе скрытый потенциал риелтора. Когда выгонят из меда, иди к ним, не прогадаешь.

Перспективный риелтор почему-то обиделся.

Но отвезти с утра к Дэну согласился.

Одиннадцать ноль одна.

И я зачем-то взяла дневник и описала на пустых белоснежных страницах сегодняшний день. Вот не надо было в детстве зачитываться «Волшебником изумрудного города» и русскими народными сказками.

Читала б только классику, не верила бы сейчас в эту глупость про желания.

Мой поток бумагомарания и вялых размышлений прервал звонок, на который я ответила не глядя.

К сожалению.

– Варюша, привет! – этот жизнерадостный голос, вздрогнув и выронив ручку, я узнала сразу и из тысячи.

Светик-семицветик.

И ещё одна школьная подруга.

Из тех подруг, при виде которых переходишь на другую сторону улицы и старательно-заинтересовано разглядываешь даже витрину магазина для взрослых. Ибо лучше удивлённые взгляды продавцов и пара минут позора, чем два часа: «А помнишь, помнишь, с нами ещё Катя училась? Ну светленькая такая, невзрачная, прям как ты... ой!»

Или – любимое и вечное – «Ты замуж-то вышла? Нет? А вот Ксюша сразу после выпускного. Помнишь? А Маринка месяц назад за Серегу из параллельного, бэшка. Ну по-о-омнишь? Я, кстати, тоже платье выбираю...»

Можно, пожалуй, не объяснять, почему её номер у меня подписан как «Malum necessarium³».

– Я та-а-ак рада, что наконец до тебя дозвонилась, – приторно радостно пропела Светик-семицветик.

А я, не в силах передать свою радость, скривилась.

До сведенной челюсти у меня эта радость. Четыре месяца ловко не отвечать на звонки и тут так проколоться.

Есть чему радоваться.

– Варюша, слушай, тут такое говорят! Мне вчера Катя сказала, которая от Дины услышала, а той Маринка рассказала, что Крис объявила, будто они с Вадиком твоим снова вме-

³ Malum necessarium (от лат.) – «Неизбежное зло».

сте. Слушай, это правда или так, болтают? – выпалив всё на одном дыхании, Светка обеспокоенно-ожидаяще, как гончая перед командой, замолчала.

Я же усмехнулась.

Двадцать четыре часа – и все всё уже знают.

– Правда.

– Класс... в смысле, какой ужас! Бедная моя! Как ты?

Хотелось ответить, что плохо.

Вены режу и веревку покрепче выбираю, но для некоторых сарказм – язык иностранный, поэтому рисковать я не стала.

Оказаться через сутки ещё и самоубийцей не хочется.

Тем более из-за Вадика.

– Спать собираюсь, – я хмыкнула.

И для наглядности зевнула, дабы сомнений не осталось.

Понялось, что разговор пора заканчивать.

– Ой, я, в общем-то, чего звоню...

Про Вадика узнать?

Губы сами сложились в язвительную усмешку, но... Светик-семицветик удивила, а я ошиблась.

– ...возьми к себе Сенечку. Всего на две недели! Пожалуйста-пожалуйста! Ты моя последняя надежда, Варюша. Я больше никому его доверить не могу.

– Какого... – я запнулась, проглотила пару слов из тех, что приличные девушки не знают, и закончила вполне культурно, – Сенечку?

– Луция Аннейя Сенеку, – с важностью и гордостью провозгласила Света.

– Младшего или старшего? – машинально уточнила я.

Надо же знать про блистательного риторика мы говорим или сына его философа. Я вот про обоих читала, да перестанет мне когда-то в кошмарах сниться история Рима.

На том конце призрачного провода тем временем озадаченно помолчали, посопели и крайне неуверенно ответили:

– Вообще-то, полосатенького.

Светик воинственно фыркнула и закончила куда более уверенно:

– Он у меня один такой!

Повезло, в Риме их целых два было.

К слову, что за дурацкая привычка давать котам столь помпезные имена? Куда делись Барсики, Васи и Мурзики?! Почему каждого второго зовут Карл Петр Ульрих Голштинский, а первого величают – Франсиско де Асис де Бурбон и Бурбон-Сицилийский, как минимум?

– Так ты возьмешь, Варь? – вырывая из мысленного брюзжания, обеспокоенно напомнила о себе Светка.

Ага, прихвачу.

К незнакомому Дэну в съёмную квартиру.

Он обрадуется, гарантирую.

Уже прямо вижу, как мой будущий сосед будет счастлив узреть не только меня, но ещё и четвероногое приложение.

А что?

У меня, может, тоже акция.

«Один плюс один» называется.

Получи в подарок к бесплатному повару бесплатный провиант на самый чёрный голодный и безденежный день.

– Извини, Свет, – остановившись у зеркала, я скорчила своему отражению горестную физиономию, – не получится, у меня аллергия на шерсть.

– Лгунова, – моя замечательная подруга и любитель Сенеки по совместительству выразительно вздохнула, протянула снисходительно, – уж мне-то не лги. Я помню, что у вас была кошка, с которой ты чуть ли не целовалась. Нет у тебя аллергии.

А у тебя склероза.

К вящему моему огорчению.

А ещё у меня нет больше веских причин, почему единственный полосатенький Сенечка не может перекантоваться у меня всего две недельки. Не буду же я рассказывать про выставление за порог и меня, и вещей.

Гордость не позволит признаться в подобном.

Сказать же, что тебя и кота твоего, Светик, я в гробу видала, было себе дороже. Со Светиком-семицветиком в принципе было куда дешевле молча соглашаться и изредка поддакивать. Мозг, добиваясь своего, она умела выносить по всем правилам педагогики. Не зря в педагогическом учился, не даром её туда взяли с распростертыми объятиями.

– Ладно, возьму я твоего Сенечку, – я устало вздохнула и глаза потёрла.

Телефон радостно взвизгнул и, обгоняя по скорости Канделаки, рассказал, какая я замечательная, какой ещё более замечательный Сенечка и как сверхзамечательно мы проведем с ним две недели.

Далее меня уверили, что Сенечка самый послушный на свете и что он не доставит мне никаких проблем, вот просто абсолютно никаких.

И не засыпай, в самом деле на ходу под её щебетание, я бы насторожилась от столь частых повторений про идеальность и беспроблемность Сенечки, но... глаза слипались, голос Светика убаюкивал, и я не заострила внимания на её словах.

В конце концов, это всего лишь кот.

Разве я с ним не справлюсь?!

2 июня

Две новости.

И нет, не хорошая и плохая, а обе плохие.

Сеня оказался не котом – это раз, Дэн оказался психом – это два.

Ах да, забыла, есть ещё третья новость: я уже почти поверила в волшебность этого розового дневника. Ещё немного и уверю окончательно, а после понесу сию веру в массы, начав с дарителя девчачьей мечты.

Пересчитать зубы и перебить почки ему всё ж не помешает.

Впрочем, обо всём по порядку.

Утро – увы и ах, а заодно как обычно – началось не с кофе, а бега проспавшей Милы, разбитого цветка и оглушительно-мерзкого бибиканья Ромочки.

И... я неправильно назвала последовательность.

Сначала засигналил Ромка, а потом разбился горшок с цветком... в паре метрах от капота Ромкиного дорожущего джипа.

– Ты чё творишь, истеричка психованная?!

Вот на этом гневном вопле разъяренного тигра я и вытащила голову из– под подушки, подумала и разлепила с трудом одним глаз, дабы истеричку психованную в лице Милы увидеть, понаблюдать, как с грохотом она уже закрывает окно, подоконник которого безжалостно лишили орхидеи.

Любимой.

Юрочкой подаренной.

– Мил...

От большого-большого удивления второй глаз открылся легко и сам, а Мила, сверкнув голубыми очами, скрылась в ванной.

– Мил, ты чего?!

Путаясь в одеяле, я поплелась следом и в дверь поскреблась.

Нет, Ромочку Мила всегда слегка недолюбливала, но на подаренное отцом и святое – холимый и лелеемый Toyota Land Cruiser 200 – даже она покушаться в нормальном состоянии не стала бы.

Наверное...

И вообще, как можно швырять из окна орхидеи?

Вдруг попадет в кого?

Жалко ведь: горшочек разобьется, цветочек погибнет.

– Радуюсь понедельнику, – Мила дверь распахнула резко, заставила отшатнуться, и, дёрнув плечом, она нехотя процедила. – Я смотрела, куда кидаю. Ничего с его драгоценной машинкой не случилось бы.

Ну-ну.

Законы физики, пожалуй, с ней не согласились бы.

– Хорошо...

Тайный чемпион по прицельному метанию орхидей с независимым видом прошлепал на кухню, а я проводила её задумчивым взглядом.

Нет, то, что понедельник – день тяжёлый, я всегда знала, но после сегодняшнего дня могу смело добавить, что тяжести в нём килограмм двести.

Вместе с глиной и землей.

Рома, как и думалось, был злющий, поэтому собралась я в рекордные сроки и до дома Светика-семицветика доехали мы тоже быстро.

Очень.

Она сама ещё не встала.

Кидала на меня зло-обвиняющие взгляды, торопливо приводила себя в порядок и одновременно успевала кокетливо улыбаться Ромке, что на свою голову решил подняться со мной. Совсем от злости память отшибло, видимо. Забыл, бедненький, как по всей школе прятался от Светки, которая была влюблена в него класса так с пятого.

Впрочем, старалась она зря.

Ромочка был занят.

Придумывал, судя по задумчивому и иезуитскому выражению лица, как отомстить Миле за издевательство над его нервами. Переживал заново те незабываемые секунды, когда цветочек, кажется, вместе со всей Ромкиной жизнью пронёсся перед его глазами.

– Где твой Сенека? – я, не обращая внимания на эмоциональные сложности обоих бывших одноклассников, седила зевок в ладошку.

Прошла бесцеремонно в гостиную, выискивая взглядом мою новую головную боль.

И думать, как буду договариваться с Дэном, я пока не хотела.

В конце концов, экспромт – наше всё! Главное не вспоминать, что последний раз я так говорила перед встречей с квартирной хозяйкой.

– Сенечка спит, – при упоминании любимца Светка переменялась, заулыбалась приторно и ласково, забывая даже про Ромку и свой нетоварный вид. – Умаялся бедный.

Вот тут я и насторожилась.

На часах половина девятого утра, когда и где эта четвероногая скотина могла успеть умяться?!

Если окажется, что он любитель ночного образа жизни, я лично, не дожидаясь самого чёрного дня жизни, на фарш его отправлю.

Света же, не догадываясь о мои коварных мыслях, скрылась из виду, чтобы почти тут же вернуться, принести на руках, принести...

Я вздрогнула и перевела ошарашенный взгляд с ЭТОГО на Ромку, что тоже был слегка... обескуражен.

Даже злиться перестал.

– Э-это что?

Или кто.

Так вернее было бы, да, но не сейчас.

Молодец, Светка, ты стала первой, кто смог довести меня до заиканья и седины. Пусть последнюю я и не вижу, но после такой подставы она точно появилась.

Обязана была появиться.

– Луций Анней Сенека, мальчик мой золотой, – нежно протянула Света, не замечая выражения наших лиц.

И общую лёгкую форму контузии.

«По стоимости?», – рвалось у меня криком души, но силы, чтобы спросить вслух, я не нашла, покосилась только жалобно на Ромку.

Который, набравшись мужества, спросил:

– Свет, а ты когда енота завести успела?

Поинтересовался тем голосом, каким в гостях, должно быть, спрашивают у радушных хозяев, когда они успели обзавестись во-о-он тем милым крокодилком или львом, что сейчас свободно разгуливает по дому и плотоядно на гостей косится.

– Ещё осенью. Мне на день рождения подарили, – Светка блаженно улыбнулась и погладила своего золотого мальчика по голове.

Сенечка же открыл глазки, окинул нас презрительным взглядом и, остановившись на мне, пренебрежительно фыркнул.

Кажется, мы не подружимся.

К Дэну мы ехали в тишине.

Гробовой.

– Не, ну в принципе, Дэн свой в доску, понять должен, – наконец неуверенно протянул Рома, – тем более всего две недели.

Угу.

Конечно.

Вот я бы поняла и даже простила... из-за закрытой двери, а потом бы ещё пути счастливого пожелала.

Правда, не факт, что в рамках цензуры, но кого и когда смущали подобные мелочи?!

– А я позавчера желание написала, чтоб у меня енот появился, – старательно не глядя на Ромку, поделилась ценной и не дающей мне покоя информацией.

Желания что, правда, начали сбываться?!

– Лучше б ты миллион зелёных пожелала.

– Ага.

Мы снова замолчали.

Проехали ещё два светофора и...

– Варвар, ты что, уснула?

– Нет! – от подобных инсинуаций я оскорбилась.

– А кто тогда храпит?!

Обернулись мы синхронно.

Закрывая передними лапами нос и поджимая задние конечности, Сенечка спал. Вздрыгивал во сне и храпел, как бригада мужиков с заложенными носами.

– Он ещё и храпит...

Обреченный стон вырвался у меня сам.

– Две недели. Всего две недели, Варвар.

– Целых. Две. Недели. Ты думаешь, мы с ним столько протянем, бомжуя?!

– Может, Дэн вас ещё пустит, – косясь в зеркало заднего вида, пробормотал Ромка с сомнением и безумной надеждой. – Может, он вообще его не заметит?

– Енота?! – от возмущения я подпрыгнула, простерла руки в сторону полосатенького и клетки его, что занимала полмашины. – Этой хабазины, именуемой клеткой, он не заметит?! Он что, слепоглухонемой?!

– Нет, он медик, – Ромка, покосившись с опаской на меня, неожиданно заржал, – и через одиннадцать дней у нас биология, мать её.

Однако...

Понятней не стало, и я вопросительно приподняла брови, на что Рома тяжело вздохнул, как будто прописные истины он объяснял, а его всё равно не понимали.

– Двадцать четыре вопроса по цитологии, пятьдесят один по генетике, паразитка – сорок один и ещё сорок по внеаудиаторке, – механическим голосом выдал он, страдальчески поморщился и продолжил задушевно-проникновенно. – Просто поверь, Варвар, если ты сейчас приведешь к нему цыганский табор с медведями и ротой барабанщиков в придачу, он даже не заметит.

Подобным тоном, с обреченностью во взгляде и тоской в голосе можно было говорить, только исходя из собственного жизненного опыта.

Бедненький.

– Подожди, – я мысленно прикинула, загнула пальца и посчитала, – у вас что, больше ста пятидесяти вопросов по одному только экзамену?!

Меня смерили взглядом героя, идущего на смерть, и, поджав губы, скорбно промолчали.

Офигеть.

Сто пятьдесят шесть.

Всё, больше на семьдесят два по Древнему миру я не жалею.

Особенно при медиках.

На фиг, побьют.

Седьмой этаж.

Тринадцатая квартира.

Нет, я, конечно, несуетная.

Ладно, в рассыпанную соль и гляделки в зеркало, если приходится возвращаться домой, я верю, но в это верят многие!

А в остальном я – реалист.

Вот только номер у квартиры всё равно так себе.

– Варвар, заканчивай медитировать и звони! Дверь сама не откроется, – пропыхтел Ромка, заноса в общий коридор из коридора с лифтами последние сумки.

Которых, к слову, у меня значительно прибавилось. Теперь мой розовенький чемодан гордо возвышался между двумя огромными спортивными сумками. И это не я обновила гардероб к лету, в порыве горя скупив, как минимум, два торговых центра, это Сенечкино приданное, что всучила мне Светка на прощание.

В них, сумках, было всё самое необходимое.

«Корм на всякий случай, одежда, вдруг гулять пойдете, любимые вкусняшки, дорогие сердцу Сенечки игрушки и так, всякая мелочь», – проинформировала подруга, перечисляя и вспоминая всё ли положила.

Честное слово, ощущение, что вместо енота мне подсунули маленького ребёнка, не покидало меня с того самого момента, как на ручки подержать и познакомиться Сенечку мне дали. И то, с детьми как-то меньше пунктов в перечнях «Ни в коем случае не давать!» и «Тут всё закрыть и с пола убрать!»

– Так и он не открывает, – я пробормотала тихо.

Вдавила пятый раз кнопку звонка до предела, но открывать нам так никто и не спешил. Вот и ждут, вот и приезжай, вот и соседями будем дорогими.

Ну-ну.

– Слушай, он вообще дома?

– Конечно, дома, – Ромка отмахнулся и, отодвинув меня, по-простому задолбил в дверь, спросил философски между ударами. – Где ему ещё быть?

Действительно, при ста пятидесяти вопросах-то.

– Тогда стучи громче, – я согласилась.

И на чемодане расположилась.

На целых семь минут, за которые Рома успел постучать, поорать, позвонить, везде написать и объясниться со старухой, что выглянула из соседней квартиры, пригрозила полицией и обозвала нас наркоманами.

– Вы чего трезвоните? – недовольный голос с хрипотцой заставил оторваться от наблюдения за Ромкой, что расхаживал по коридору, и обернуться.

Что ж...

Я вздрогнула второй раз за день.

И брови, пока я с любопытством разглядывала почти повисшего на ручке двери соседа, невольно поползли вверх. Почему-то совсем не таким я представляла себе «Дэна, старосту соседней группы», да и не подходил ему обалденный голос с хрипотцой, которым он вчера говорил со мной по телефону.

Несоответствие, как с Левитаном.

А Дэн при таком голосе был... был ботаником.

Лохматым, субтильным ботаником в очках на пол-лица. Длинным и худым. Он стоял в полумраке прихожей в потертых и вытянутых на коленях трениках и чёрной футболке, что на нём жутко болталась.

Потерев минимум трехдневную щетину, мой новый сосед окинул меня мрачным взглядом.

– Ты, что ли, Варвара-краса?

– А-а-а...

На большее меня не хватило, и я растерянно кивнула.

Интересно, когда и как я умудрилась настолько насолить Ромке, что он меня решил поселить к вот этому... типу?

Неприветливому типу.

Мрачному.

Желание развернуться и уйти под изучающим взглядом появилось непреодолимое, просто жуткое, но... за семь тысяч приличного жилья я больше нигде не найду, с енотом я в принципе никакого жилья не найду. У Милы жить вечно тоже не вариант, завтра возвращается Юрка, и остаться у них я не смогу.

Поэтому улыбаемся, Варвара Алексеевна, причём дружелюбно улыбаемся.

И машем.

Дураков любят, да.

– Варя, приятно познакомиться, – я протянула руку лодочкой для рукопожатия и широко улыбнулась, покосилась в сторону переноски и призналась. – Я тут, правда, с... енотом.

Вот.

Сообщила, пусть он и сам заметить должен был успеть. И если до сих пор ничего не сказал, то значит ему всё равно?

Пустит, да?

Или нет... поскольку на меня он взглянул странно, моргнул и... посторонился, пропуская.

– Проходите. Твоя комната до конца коридора направо, а потом снова направо.

Ура.

Пустили, что уже хорошо.

И сделаем вид, будто не волнует, что свой в доску Дэн руку не пожал, прошёлся красиво по моему чувству собственного достоинства и гордости. Большой дурой с протянутой рукой я себя давно не чувствовала. Выпрямив спину, я оглянулась на Рому, что, стоя позади меня, довольно лыбился и подбадривающе подмигивал, и решительно протиснулась мимо Дэна в полумрак квартиры.

У него что, режим экономии повышенный?!

Нет, я понимаю: в стране кризис и студенты, как известно, народ бедный. Но лампочка Ильича обойдется дешевле сломанных конечностей!

А я себе обязательно что-нибудь сломаю в этой темноте и наваленном на полу хламе.

Что это вообще у него такое?

Я с трудом разглядела в горе хлама что-то стальное, острое, напоминающее топор, и поняла, что знать не хочу.

Куда мне?

Направо, а потом снова направо?

Отлично, куда послали, туда и пойду.

Прислушиваясь к более радушному приветствию Ромки и их неразборчивому разговору, я завернула за угол и планировку нового жилья прикинула. Коридор был Т-образный. Направо

две комнаты, налево – кухня, прямо – ванная. Дверь комнаты, что напротив кухни, была закрыта, а вот сбоку от неё – таки да, направо – приветливо распахнута.

И моя скромная обитель оказалась не такой уж и скромной. Большая комната с французским окном, за которым виднелся застекленный балкон. Встроенный шкаф-купе на всю стену, двуспальная кровать, кресло-кокон в углу и письменный стол рядом с ним.

Мне здесь уже нравилось.

Кровать так вообще моя мечта.

Опустив плетенную корзину со спящим енотом на стол, я распахнула обе створки окна и вышла на балкон.

Да, прав был Рома, что вид – красота!

Небо голубое, деревья зелёные, огромный пруд, блестящий в лучах солнца между кровнями, и высотки где-то там, на горизонте.

Я потянулась и невольно рассмеялась.

Всё, мне здесь определено и точно нравится. И свой в доску Дэн может хоть в упор меня не замечать, я никуда не съеду.

Восемь вечера.

Ромка ещё три часа назад с мученическим видом ушёл готовиться.

К биологии.

Всё ж, когда больше двух часов у тебя за стенкой бубнят о видах взаимодействия неаллельных генов, а ты их даже не можешь перечислить и экзамен у тебя меньше, чем через две недели, паника появляется сама.

Несвойственное желание поучиться тоже.

Поэтому к родным учебникам и методичкам Ромочка, распрощавшись, отчалил, а я, закрыв за ним дверь, вернулась в свою комнату, где Сенечка, оккупировав мою кровать, самозабвенно пожирал печенье.

Имбирное.

Из моей сумки.

Попытки его согнать или отобрать еду увенчались не успехом, а пластырем на моём прокушенном пальце, так что Сенечка с гордым видом победителя продолжил жрать печенье, а мне пришлось обрабатывать руку.

Тешить себя надеждой, что этот паразит незаразный.

И на часах было восемь вечера, когда, проговорив почти час с мамой и посидев два в интернете в поисках информации о тварях меньших енотистых, я вспомнила про неразобранный чемодан, вокруг которого эта самая тварь как раз круги нарезала и открыть пыталась.

Его шебуршание по всей комнате и попытки открыть-залезть-стянуть всё и хоть откуда за три часа уже достали, но, как было написано в статьях а-ля «Как выжить в квартире с енотом» и «Друг или враг вам енот», это пока цветочки.

Ягодки впереди.

А грибочки ещё дальше.

Остается только надеяться, что Светик приучила этого гада к туалету и ночному сну. Ибо, выбирая между квартирой и енотом, я выберу квартиру, а Сенечка вернётся в естественную среду обитания.

Парк пойдет ему на пользу.

Чемодан, к радости енота, был наконец открыт, и за шкуру я его успела поймать в последний момент.

– Не трогай, это моё, – прошипела злобная я и едва успела отклониться от мелькнувшей у лица лапы. – Эй! Нет, ну ты гад всё же!

Без особого почтения я сгрузила Сенечку на кровать, подавив желание его туда швырнуть, сунула пачку печенья и...

... и до чемодана он добрался первым.

Выдернув из цепких лап свою футболку, я потрясла ею у его невинной морды.

Провела ликбез:

– Луций Анней Сенека, убери свои грязные лапы от моих вещей! Это моё, а моё трогать нельзя!

Слишком умная скотина в ответ презрительно фыркнула. Демонстративно выпятив задницу, порылась в утрамбованных вещах и, выбрав мой новенький прекрасный кружевной бюстгальтер за четыре косаря, деловито потащила его в угол.

К тазику с водой.

Проворно потащил, гад.

– Эй, нет! Слышишь, не смей! Только попробуй! – я кинулась следом, но запнулась о крышку раскрытого чемодан и рухнула на пол.

А мои четыре тысячи в воду.

Где эта тварь их стала активно полоскать.

У вас крепкая нервная система?

Вот я думала, что у меня крепкая, верила в это все двадцать лет своей жизни.

Ошиблась.

Выпавший на меня из шкафа скелет доказал обратное. Я завизжала и, пытаюсь его с себя стряхнуть, замахала руками.

– Ты чего вопишь, как потерпевшая? – спросил возмущенный Дэн.

Заглянул как раз в тот момент, когда я отцепила от себя, а заодно и от туловища, череп и швырнула его в сторону.

Как оказалось, в сторону Дэна, который взвыл не хуже меня.

– Вася!!!

– Какой Вася?! Я – Варя! – выпутывая из волос кисть с пальцами, возмутилась я.

Первый шок прошел быстро.

– Ты – дура, а не Варя! Вася – это он! – рявкнул Дэн и отобрал у меня руку.

Скелета.

И конечностью оной потрясли перед моим носом, придирчиво повертели и всучили обратно мне.

– Держи. Его сейчас собирать придется.

Прозвучало обвинением, а в обращенном ко мне взгляде читалось недовольство и претензия большими буквами.

Нет, это ещё я виновата?!

Я чуть заикой не стала и сердечный приступ не заработала.

Я – пострадавшая!

Я, а не Вася!

Где сочувствие?! Где понимание?!

И вообще какой дурак запихнул скелет в шкаф?

– Мой сосед, – хмуро ответил на последний заданный вслух вопрос Дэн и ноги поднял. – Бывший.

Логично, его ж комната.

Зачем я, правда, спрашивать не буду.

Остатки психики в этом дурдоме у меня пока теплится надежда сохранить. Я оптимист.

– Чего стоишь? Бери позвоночник с рёбрами и пошли клеить!

Час ночи.

Я в клее. Сенечка в клее. Дэн в клее.

Кухня тоже вся в клее.

А Вася не-е-ет.

Если у рук-ног кости были просверлены и соединены проволокой и где-то шурупами, то череп был склеенным, поэтому со всем, кроме него, мы разобрались относительно быстро и хорошо.

Череп же...

После моего метания он напоминал пазл, который, судя по взгляду Дэна, мы либо соберем, либо на анатомическое пособие сами и пойдем...

– Ты точно все кости собрала? – в третий раз мрачно уточнил Дэн.

– Да.

Я была тиха, покладиста и исполнительна.

Жить хотелось сильно.

А этому психу, судя по испепеляющему взгляду, столь же сильно хотелось меня прибить. И вот чисто по-человечески я его даже понимала. Сделать из одного черепа двадцать три отдельно лежащих кости – это талант, за который хочется убить с особой жестокостью.

Согласна.

Я бы ему даже помогла, если бы речь шла не об убийстве меня любимой.

– Тогда где?!

– Что?

– Сошник.

«Чего?», – я благоразумно уточнять не стала.

Спрашивать: «А может без него обойдемся?» тоже.

Сошник так сошник.

Сейчас в инете сама найду, как он выглядит, и пойду искать.

В третий раз.

Ничего, зато пол точно у меня теперь чистый, даже под кроватью.

Полтретьего ночи.

Дэн – псих!

Почему нельзя доклеить этот чёртов череп утром?!

Кстати, сошник мы нашли.

У Сенечки в тазике.

Енотистый засранец сделал вид, что не при делах, эту мелкую ерунду видит первый раз в жизни и, стащив со стола пачку печенья, важно удалился в мою комнату.

И всё бы ничего, но оказалось, что я – абсолютная безграмотность – неправильно соединила решетчатую и клиновидную кость.

Не, ну я откуда знаю, как они правильно соединяются?! И не надо на меня столь злобно сверкать глазами! Я их вообще первый раз вижу!

Дэну именно это я и сказала.

Ответ был меланхолично-мстительный:

– Правильно, у тебя-то за ненадобностью они редуцировали.

Всё-таки он гад.

Полпятого утра.

Вася склеен.

Меня отпустили спать.

3 июня

Мне снился прекрасный сон.

Закатное солнце, зависшее над самым горизонтом, там, где небо всех оттенков розового и фиолетового сливается с тёмной гладью моря, последнее же переливается в последних лучах сотней бликов, перекачивается. Выносятся на берег всё новые клочья белоснежной пены. Темнеет от воды раскаленный за день песок.

Я же, обжигаясь, в него проваливаюсь, иду босиком вдоль берега, и подол бирюзового платья, путаясь в ногах, развеивается от порывов ветра, что приносит вечернюю свежесть, оставляет на губах соль и улыбку.

Которая от безмерной лёгкости и того, что он рядом.

Идёт.

И ладонь у него широкая, мозолистая. Длинные пальцы, которые переплетаются крепко с моими, удерживают, когда вперёд я вырываюсь, оглядываясь на него, чтобы рассмеяться и потянуть, дёрнуть на себя.

Надо спешить.

Там, дальше, белокаменная беседка, и среди её колонн я уже вижу накрытый стол и зажжённые длинные свечи. Алые розы в вазе, их поправляет официант.

Музыканты во фраках.

Они играют...

...играют «O Fortuna» из кантаты «Carmīna Burana» Орфа.

Классная композиция, на звонке у меня стоит уже недели две. Когда телефон принимается орать в переполненном автобусе, на меня начинает нервно оглядываться даже водитель, а люди шарахаются.

Шикарно.

Мне нравится, а вот Мила не оценила, попросила не позориться и поменять.

Так, это лирика, сейчас важно другое: почему музыка, достойная хоррора, зазвучала в моём прекрасном сне?..

Мендельсон был бы уместнее.

И с мыслями об Мендельсоне и Орфе, что совсем не котировался с закатным морем и романтическим ужином, я проснулась окончательно. Пошарила, не открывая глаза, рукой в поисках телефона.

Нашла Сенечку и получила ещё один укус.

Хвостатая сволочь.

Пришлось-таки противиться закону всемирного тяготения, отрывать от подушки голову, открывать глаза и...

– Не трогай! Телефон не трогай, гад! Положи, положи, где взял, скотина! Ещё шаг к тазику и пойдешь на шубу!

Сенечка замер.

Склонил голову и с недоверием покосился на меня.

– Я жестокая енотоненавистница, у меня рука не дрогнет, – я вскочила на кровати и сузила от распирающего гнева глаза. – Лично шкуру сдеру, а что останется – на фарш.

Четвероногая пакость издала странный, чем-то похожий на мяв кошки, звук, положила телефон на пол, демонстративно отодвинула передней лапой в мою сторону и, гордо отвернувшись, потрусилась в сторону лежанки.

Телефон же продолжал разрываться, и, торопливо его подхватив, я посмотрела на страждущего со мной общения.

Номер был незнакомым, а потому ещё секунд пять я пропустила, подумала, какое очередное выгодное предложение мне решил предложить банк, но всё же ответила.

– Варвара?

Однако, не банк.

А приятный, но жутко деловой мужской голос, что был абсолютно незнаком.

Мысленно перебрав возможные варианты, кто это быть может, поняла, что никто. Нет у меня подобных знакомых, а потому отозвалась я настороженно, промежуточно между вопросом и утверждением.

– Да.

– Здравствуйте, это Ярослав Гордеев. Мы с вами познакомились пару дней назад. Вас ещё мой водитель сбил.

Спасибо.

Вот про последнее можно было не уточнять. Желто-зелёный болючий синяк на полбедра и без вас мне неплохо напоминает об этом событии.

И было это событие мая тридцать первого, когда вечером поздним я бегала через дорогу от дома за апельсиновым соком, без коего, как известно, пить вермут категорически нельзя. Мила же в тот момент колдовала над крылышками под особым соусом по рецепту ба, а потому отойти от духовки никак не могла.

Выбор – кто за соком – становился очевидным. И в магазин, смиряясь с неизбежным, я делегировалась.

Почти даже дошла.

Но...

Пешеходный знак расположился в шикарно разросшихся кустах, по причине чего заметить его было практически невозможно. Машины по причине этих же кустов виделись тоже плохо. В общем, так и произошла эта эпохальная встреча – меня и бампера дорожкой машины.

– Я хотел бы пригласить вас на ужин, Варвара, – проговорил, отрывая от воспоминаний, Ярослав Гордеев, поставил в известность. – Сегодня в семь. «Континенталь». Слышали о таком?

Ещё бы!

О нём слышали все.

А вот бывали в святая святых лишь лучшие из лучших, то есть богатые из богатых. Я к таким точно не относилась и не отношусь, а потому вряд ли смогу заплатить даже за кофе, не говоря уж о целом ужине.

Хотя о чём это я?!

Ужин оплатит Ярослав Гордеев, с расчетом на завтрак, видимо, оплатит.

Вернее, заплатит.

Мне.

Он меня за кого принимает?!

– Слышала, но, боюсь, принять столь щедрое предложение я не могу, – ядом, что плескался в моём голосе, можно было смело отравить полгорода, а вторую заморозить холодом. – Учитывая продолжительность и близость нашего с вами знакомства, могу согласиться только на Макдональдс. Всего хорошего.

Отключилась я первая и...

И лучше бы я дала Сенечке утопить этот чёртов телефон. Не было бы сейчас так мерзко и противно.

Откуда у этого Гордеева, вообще, мой номер?

Может, я себе льщу или преувеличиваю, но... я его видела один раз в жизни. Пару минут, за которые он опустил стекло и, раздражённо поинтересовавшись у водителя: «Что там такое, Артём?», мазнул по мне равнодушным взглядом.

Всё.

И да, я циник или паникёр.

Или и тот, и тот вместе взятые, но я железобетонно уверена, что после столь длительного знакомства интерес может быть только односторонне-постельный.

– Сенечка, мальчик мой, слезь, пожалуйста! – я умоляла слёзно, с приторной улыбкой, от которой скулы свело уже давно.

Игнор.

– Радость моя, а смотри, что у меня для тебя есть! – умасливать я продолжила.

И даже зубами от злости не закричала, пусть и хотелось сильно, о-о-очень сильно, но милая улыбка и ласковый голос – наше всё.

– Твои любимые финики и банан. Хочешь банан?

Полный игнор.

И поворот ко мне задницей.

С-скотина она и есть скотина.

– Золотце моё, ну я же пошутила про шубу...

Кто-то из зевак возмущенно ахнул, а я таки скрикнула зубами.

–... и про фа... остальное тоже. Я же л-л... – сказать «люблю» язык всё же не повернулся, даже для дела покривить настолько душой я не смогла, – забочусь о тебе. Куда я без тебя?!

Далеко, навсегда и очень счастливо.

К сожалению, только мысленно.

– Сенечка, прелесть моя, иди ко мне. Я разрешу тебе спать на кровати.

Только спустись, хвостатая зараза.

Я тебе устрою и кровать, и любовь.

– И... и отдам тот розовый браслет!

Всё, это уже отчаянье.

Что свои небольшие плоды, однако, дало. Енотистый засранец своим вниманием меня наконец удостоил, повернулся ко мне мордой, чтобы презрительно фыркнуть. И, мотнув скептически башкой, он вальяжно прошелся по ветке, вскарабкался по стволу чуть выше и устроился, видимо, удобнее.

Поглядел с интересом на меня.

Сверху вниз.

Я же взирала снизу вверх.

И между нами таяла моя нервная система и был натянут поводок. Ещё немного и эта глупая скотина сам себя задушит.

Или, что вряд ли, я его отпущу.

Мысль о безвременной кончине Сенечки мне, конечно, с каждой минутой импонировала всё больше, как и идея бросить на произвол судьбы, но природная вредность и – самое главное – образ Светки, что испортит всю оставшуюся жизнь мне, если с Сенечкой что-то случится, меня тормозили.

Взывали к благоразумности, из-за которой, собственно, уже минут пятнадцать я и стояла на носочках с поднятой рукой, дабы некоторые не задохнулись, и уговаривала этих некоторых спуститься.

И вообще, какого Светка не предупредила, что её Сенечка, чтоб его, обожает лазать по деревьям?! Знала бы о подобных сюрпризах, закрыла бы эту скотину в клетке и ни за что брать с собой в парк не стала.

Развеяться захотела и забыть об утреннем звонке.

Что ж... развеялась и забыла.

У Сенечки в целом прекрасно получается занимать все мои мысли.

– Помочь? – деловой мужской голос раздался внезапно, в районе затылка, опалил жаром волосы и шею.

Знакомо деловой голос.

До отвращения знакомый.

И чужая рука, пока я переварила и соображала, уже по-свойски скользнула по моей и выхватила из рук поводок.

– Как его зовут? – Гордеев спросил, не глядя на меня.

– Луций Анней Сенека, – я ответила машинально.

Моргнула, медленно выходя из ступора от подобной наглости, неожиданности и... и вообще, что здесь происходит, а?!

И, может быть, мне даже ответили бы, но вслух я спрашивать не стала, а Гордеев на погоняло Сенечки только выразительно хмыкнул, стянул льняной пиджак, всунул его мне в руки, а сам закатал рукава рубашки и... полез на дерево.

Ловко так полез.

Профессионально даже.

И глядя на это, в состояние шока и неверия я впала окончательно, а разум отказался анализировать происходящее, смирился с бредовой картиной мира, и за перемахивающим с ветки на ветку Гордеевым я, как и прочие зеваки, стала наблюдать с неподдельным интересом.

Большее офигевание от происходящего было только у Сенечки. Судя по наглой морде, он в принципе отказывался поверить, что за его римским величием кто-то рискнул подняться и даже поднялся.

Хана тебе, паразит хвостатый. Ещё пара минут, и ты попадешь в мои нежные удушающие объятия. Ты думаешь, я тебе спущу подобные выкрутасы?! Да мы твоими заслугами звездами YouTube стали!

Гордеев тем временем до него добрался и, не обращая внимание на достойный саблезубой кошки мяв и попытки вырваться, пылко прижал Сенечку к себе. Стал обратно спускаться, а я – мысленно потирать ручки в предвкушении расправы.

Всё, допрыгался, скакун енотистый! Тюрьма ждёт тебя, будущий зэк. До Светкиного приезда из клетки у меня не выйдешь.

– Держи своего Сенеку.

Гордеев, игнорирую самую нижнюю ветку, лихо спрыгнул, подошёл неторопливо ко мне и протянул недовольного Сенечку.

Толпа зевак громко зааплодировала. Какая романтическая достойная кинематографы, Оскара и Тэффи заодно сцена!

Высокий красавец-мужчина и я.

Не первая красавица школы, конечно, но и за спиной ошарашенно спрашивать, прикладывая лорнет: «Милая, что ОН в ней нашёл?!» не станут.

– Спасибо, – Сенечку, тихо вякнувшего, я взяла и даже вежливо улыбнулась. – Ярослав, простите, не знаю, как вас по отчеству.

– Можно без отчеств, – от подобных формальностей Гордеев досадливо отмахнулся, расправил рукава рубашки, и запонки на место он вернул. – Просто Ярослав.

– Как вы меня нашли, просто Ярослав?

– Не так сложно, как можно представить, – он улыбнулся широко, по-мальчишески, сверкнул идеально белыми и ровными зубами. – Твой телефон. Отследить геолокацию есть дело пары минут.

– Допустим, – я кивнула.

И мучающий меня с самого утра вопрос таки задала:

– А мой номер откуда узнали?

– В этом городе не так много Варвар Лгунов, – Гордеев снова лучезарно улыбнулся и, щурясь от солнца, прислонил руку ко лбу, посмотрел на меня. – Красивых и молодых вообще одна.

Я, убеждаясь, что немногочисленные зеваки уже разошлись, огляделась. И мирно гуляющие с колясками мамы не в счёт, им до нас дела нет.

Отлично.

Потому что, подойдя к нему вплотную и встав на носочки, дабы глаза оказались на одном уровне, я сердито прошипела:

– Просто. Ярослав. Гордеев, – тёмно-серые, стальные, глаза смотрели на меня серьёзно, пристально, но остановить и смутить меня было невозможно, я злилась. – Оставьте меня в покое, я не буду с вами спать. Зря тратите время.

Сенечка, молчавший до этого, первый раз за всё время очень в тему фыркнул, и мы с ним гордо удалились.

Тень, скамейка, тот же парк.

Мы с енотом сидели рядом. Сенечка, с упоением чавкая и рассыпая крошки, грыз приваченные из дома сухари с изюмом, я мрачно глядела в никуда.

Какой-то неудачный сегодня вышел день.

Вот как с утра пошло, так и поехало дальше. Правду говорят сонники, что видеть волны на море к неприятностям, что, впрочем, начались не сегодня.

Я вздохнула и барабанную дробь по спинке скамейки лениво и привычно пальцами отбила, когда рядом со мной, не спрашивая разрешения, плюхнулись.

И, угадайте, кто?!

Бинго, Гордеев.

При правильном ответе смело доставайте сухари с изюмом и тоже грызите. Да, не пряник, но ничего, Сенечке, например, очень даже нравится.

«Просто Ярослав» уселся же слишком близко, придвинулся до ощущения жара и окружавшего его аромата дорогого – А какого ещё при личном водителе-то? – парфюма с запахом, чтоб его, моря и чего-то горького.

Наверное, только из-за запаха я и не стала отодвигаться.

Слишком вкусно пахло.

– Я тебя первый раз увидел ещё в декабре, в институте, – после долгого молчания и под издаваемый Сенечкой хруст заговорил просто Ярослав. – Ты тогда ведущей была на... а, чёрт... не помню, что за мероприятие было.

– Восемьдесят пять лет родного факультета, – я произнесла рассеяно.

Ошеломленно.

Потому что... потому что, когда это было. И да, спонсоры, с которых деньги на экспедиции планировали взять, кажется, были приглашены.

Но вот Гордеева среди них я не помню.

– Наверное, – он безразлично пожал плечами. – Меня отец попросил, он с вашим ректором дружит. Я тогда не решился подойти, а потом работа, переговоры, проекты. А тут снова ты... Я решил, что раз судьба второй раз сталкивает, то... стоит попробовать. Варя, ты извини. Надо было сразу сказать, как-то глупо получилось, неправильно познакомились. Я бы хотел это исправить.

А под неправильным знакомством он наезд на меня или утренний звонок имеет в виду? Не то, чтобы мне это принципиально важно, но так...

Чисто из любопытства.

– Слушайте, Ярослав, может не стоит пробовать, а? – я вздохнула устало и голову к нему повернула. – Найдите себе кого-то другого, девушек много, выбор большой. Можно даже опять с исторического. У меня же проблем и без вас хватает. Чего вы... привязались?

– Вы мне понравились. Очень.

Как искренне и честно.

И хамить человеку, который спас Сенечку от удушения, а меня от роли клоуна для зевак, наверное, не стоило, поэтому я промолчала. Отвернулась, чтобы узорчатую тень от раскидистых ветвей, которая вырисовывалась на асфальте, внимательно рассмотреть. И бьющим солнечным лучам лицо я после подставила, закрыла глаза.

– Признаю, предложение с «Континенталь» было идиотским, – Гордеев, устав сидеть в молчании, вздохнул, помешкал и всё же предложил. – Я понимаю, что навряд ли, но вдруг... Варя, согласитесь, пожалуйста, прогуляться со мной по этому парку...

Парк...

Парк – это не дорожный ресторан, при названии которого мне совсем не к месту вспомнилось совсем другое.

Спросилось.

– Вы знаете, что ещё раньше называлось «Континенталь»?

Гордеев головой помотал отрицательно, а я улыbnулась.

– Гостиница в Киеве. Там в начале двадцатого столетия останавливался весь творческий бомонд: Комиссаржевская, Мейерхольд, Бальмонт, Мандельштам и даже Шалапин. Путеводители писали, что «Континенталь» по уровню сервиса легко составит конкуренцию лучшим европейским гостиницам...

Я рассказывала.

А Гордеев смотрел внимательно, слушал, и в тот момент я, пожалуй, согласилась бы, что была красивой. Блестели обыкновенные серые глаза, искрились, и лицо озарила широкая улыбка. Я знала это, могла представить, потому что так было всегда, когда речь заходила об истории.

Меня словно перемыкало.

Так, что увлеченно вещать я могла часами.

– ...его частично взорвали в сорок первом. В первые дни при немцах. Была серия взрывов по всему городу. Крещатик полыхал. Я реферат писала по...

Я осеклась, но лицо, что почти исказилось, удержала, встряхнула головой, чтобы со скамейки беззаботно вскочить, подхватить возмущенно мякнувшего и чуть не подавившегося Сенечку, который остатки печенья от неожиданности выронил.

И сомневалась я целое мгновение, а потом протянула Гордееву руку.

– Если вы не передумали, то на парк я согласна.

Домой мы с Сенечкой вернулись уже вечером.

И в доме этом царил полумрак и тишина, а на кухне символом «Memento mori»⁴ возвышался Вася в розовой пляжной шляпе.

Что?!

Шляпа в чемодане слегка помялась, а так у неё были неплохие шансы расправиться, и Вася к тому же сразу стал красавчиком.

Надо ещё парео на него одеть.

Включив подсветку на кухонном гарнитуре, я достала из холодильника коробку сока и только после заметила на серебристом металле пришипленный магнитами лист: «Сними со

⁴ Memento mori (лат.) – Помни о смерти.

скелета этот кошмар и оставь Васю в покое, извращенка! P.S. Сегодня ночевать не приду. В МОЮ комнату НЕ заходить!!! Своего хвостатого держи при себе и подальше от моих вещей!»

Знаете, это чувство, когда остаешься дома в гордом одиночестве и понимаешь, что вся, просто вся квартира в твоём полном распоряжении?!

О да.

Это шикарное ощущение!

Я улыбнулась, как злодей из мультиков.

Вечер отдыха и кайфа объявляется открытым! И зря ты, Дэн, переживал за свою комнату. Больно нужна твоя берлога, когда тут есть огромная ванная с джакузи!

Я знаю, чем займусь.

На часах было десять вечера, свечи расставились по бортикам джакузи, бокал красного вина опустился рядом на пол, горы белоснежной пены высились над краями. Вода была обжигающе-горячей и приятной.

Я откинула голову на бортик и закрыла глаза.

По всей ванной плыл аромат можжевельника – пара капель эфирного масла в воду – и пел Лука Турилли, звучала его «Too Late», которой я самозабвенно подпевала.

Жизнь, определенно и бесспорно, была прекрасна.

Тихий скрип двери я не заметила.

Не заметить бултыхнувшегося в джакузи хвостатого гада и половину всей воды, что переместилась на моё лицо, стены и пол было невозможно.

С-с-сенечка!!!

4 июня

Три ночи.

У нас с енотом состоялось перемирие и временное бандформирование.

Кодовое название операции: «Ноутбук Дэна».

Сенечка стоит на стрёме, я тырю.

Три десять.

Операция прошла успешно.

Мы вернулись в комнату, глянули в окно и расстроились. Вторая бессонная ночь подряд угнетала одним своим фактом.

Спать хочу!

Но накапать инфу на Ярослава Гордеева я хотела ещё больше.

Три пятнадцать.

Я сидела на полу и рассматривала рабочий стол, точнее его заставку, в смысле фотографию.

Вот.

Сформулировала, второй бокал вина был явно лишним.

На фотографии же был запечатлен Дэн и какая-то девица.

Рыжеволосая.

И симпатичная, даже красивая.

И глядя на них, я совершила несколько открытий. Первое – Дэн, оказывается, умеет улыбаться как все нормальные люди, и улыбка эта у него классная, заразительная, что ли. Открытие второе – мой сосед не всегда похож на лешего, что о расчёске с бритвой знал только по слухам, ибо на фотографии он красовался без многодневной щетины и включенной шевелюры. Тут, на фотке, они были подстрижены полубоксом и прилично уложены, так, что подобная прическа моему соседу очень даже шла.

И, наконец, третье открытие – он, кажется, романтик.

А кто ещё ставит в качестве обоев фотографию с девушкой?

До четвертого открытия я не дошла, поскольку Сенека, заставляя вздрогнуть и моргнуть, неожиданно шлёпнул лапой по клавиатуре и, повернув свою морду ко мне, одним своим выразительным взглядом напомнил, что у нас есть дело куда поважнее, чем разглядывание улучшенной версии соседа.

Пять тридцать утра.

И вот за окном птички чирикали, солнце светило уже вовсю, люди медленно и неохотно просыпались, а Сенечка, наоборот, спать ложился. Я же всё сидела на полу, искала и чувствовала себя «агентом 007», Штирлицем и почему-то Матой Хари в одном флаконе. Последняя слегка напрягала, поскольку репутация так себе, весьма сомнительного характера, да и закончила она слегка плохо.

А впрочем, не о том речь.

Вернемся, к нашим баранам, точнее барану одному, но крайне выдающемуся.

Гордеев Ярослав Викторович, прошу любить, жаловать и благодарить за ещё одну бессонную ночь.

Тридцать один год, не женат и женат никогда не был. И, как говорится далее, не состоял, не привлекался. Только являлся владельцем, пускай, не заводов-газет-пароходов, но компании

«Карт-медиа», что занималась IT-технологиями и числилась, как один из лидеров на данном рынке.

Что именно разрабатывали компьютерные гении, устанавливали и писали, я не совсем поняла, точнее поняла совсем никак.

Гуманитарий я.

И, в общем-то, из информации это всё.

Шифровался Гордеев не хуже Штирлица, который наконец нашёл себе достойного преемника. О личной жизни ничего известно не было. Ни скандалов, ни компрометирующих фоток, ни молоденьких подружек и вечеринок.

Ни-че-го.

Я задумчиво уставилась на одну из его фотографий, на которой он глядел прямо и строго в объектив. Серьёзные глаза стального цвета под густыми бровями, гладковыбритое скуластое лицо и идеально уложенные чёрные волосы.

Да, Ярослав Гордеев, ты красив, даже очень.

И спортивная подтянутая фигура тебя только больше красит. А явно не покупные костюмчики, кипенно-белые рубашки, цену которых я даже знать не хотела, и запонки с лучшими швейцарскими часами, что шли как приятное дополнение.

Дополнение к образу состоятельного, уверенного в себе красавца-мужчины с процветающим бизнесом, который точно не станет взбираться по деревьям за енотами и прогуливаться в парке в середине рабочей недели...

Подчистив историю и не оставив улики, я со вздохом закрыла чужой ноутбук и отнесла его на законное место.

Теперь можно было и спать.

5 июня

– ...диагностическая характеристика яиц власоглава – бочонковидная форма с крышечкой в виде пробки. Жизненный... А-а-а, локализация! Локализация – толстый кишечник. Жизненный цикл...

Стон вырвался сам.

Жизненный цикл в этой изоощренной пытке самое занудно-долгое. От слов – метацеркарий, финны, адолескарий – меня уже тошнило больше, чем на палубе корабля в десятибалльный шторм.

Вот лучше на палубу, но...

...я лежала на кровати, звездочкой, и бездумно разглядывала потолок, уже часа два этак разглядывала. Вот как проснулась, так лежать и осталась, глядела в потолочную ввысь, временами прислушиваясь к еноту, который в углу деловито копошился. Строил из диванных, стасценных у Дэна, подушек себе домик и изредка, вскарабкиваясь по одеялу, подбегал ко мне, чтобы мокрым носом то в лицо, то в шею потыкаться.

Обнюхивал.

Кажется, ждал, когда помру.

Не дождётся!

– ...так ещё пять гельминтов и останутся только членистоногие, – бодро проговорил за стенкой мой сосед-ботаник.

А я снова застонала.

Нет, всё ж дождётся.

Второй день, второй день я слушала про этих долбанных паразитов!!! Да я уже сто тысяч раз поклялась мыть все овощи-фрукты с мылом.

Трижды.

И я сама теперь могу просветить кого угодно, что у карликового цепня промежуточный хозяин – это мучной хрущ, ришта является живородящей и заболевание называется дракункулез, а отряд амёб на латыни звучит как амоёбина!

Знаете, как выглядит вытаскивание бычьего цепня из человека во время операции?!

А вот я знаю!

На кухню за йогуртом вернулась невовремя, медик наш умный там ужинал, не отрываясь от процесса обучения, видосики он смотрел.

Псих!

Да я только мельком увидела и всего лишь одного, но всё: кушать расхотелось совершенно и чаем я поперхнулась, а он сидел, невозмутимо уплетал борщ и даже успевал что-то помечать в большой тетради.

Ещё ко мне обернулся и обеспокоенно поинтересовался:

– Тебе плохо?

– Замечательно! – рывкнула я, грохнула кружку на стол и ушла к себе.

Слушать бубнёж про балантидий за стенкой.

Сегодня вот прошли сосальщиков, а затем мы перешли к нематодам. И я всё ещё не могу понять: это звукоизоляция такая фиговая или у Дэна голос громкий.

– ...острица детская. *Enterobius vermicularis*. Заболевание – энтеробиоз. Локализация – личинки в тонком кишечнике, самки откладывают яйца в...

Всё.

Не глядя, я схватила подушку и опустила себе на лицо.

Придушите меня, пожалуйста!

Наушники потерялись, на улице второй день ливень такой, что соседних домов не видно, к Миле не сбежать, там Юрка приехал. Видит бог, у меня нет выхода, ещё пара минут, и я либо сойду с ума, либо убью Дэна.

Забью рабочей тетрадью по паразитологии, по которой он всё учит.

И... я прислушалась.

Да, телефон, у меня звонит телефон!

Господи, пусть это будет моя замечательная и гостеприимная подруга, которая к себе позовёт. Я даже на такси разорюсь, лишь бы свалить из этого филиала паразитарного ада.

Вот только звонила не Мила, а Гордеев.

Ярослав Викторович, который позавчера проводил до дома и официально попросил разрешения на днях мне позвонить.

А я... кивнула, разрешила.

Потому что с ним оказалось увлекательно и – что удивило больше всего – он меня, действительно, слушал, спрашивал сам.

Про усадьбу, около которой и разбили ещё в позапрошлом веке парк, возвели ажурную ротонду и пруд, поросший ныне кувшинками, соорудили.

Про легенды, что, несомненно, есть у каждой уважающей себя старинной усадьбы, и легенд этих я знала штук пять. Показывала за мутными провалами каких окон второго этажа видится силуэт Дамы, одной из хозяек.

Про последних хозяев, уехавших после революции, но сокровища свои припрятавших вот тут, в подвалах и подземных ходах, что к ротонде под прудом ведут. И старый могучий дуб, на котором и сейчас висят качели, я показала.

Села, а Гордеев раскачал...

– Варвара, здравствуйте.

Далёкий и уже знакомо-деловой голос заставил невольно улыбнуться.

Почему-то представилось, что он сейчас сидит в своём кабинете на пятидесятом этаже стеклянного небоскреба и, повернувшись в кресле, смотрит в окно, крутит ручку – непременно Parker – между пальцами.

Они у него длинные, как у музыканта.

– Здравствуйтесь, Ярослав.

И да.

Честно говоря, было желание громогласно-радостно завопить: «Спаситель ты мой, родимый!», но воспитание – наше всё, бабушка не зря старалась, поэтому вместо вопля я выдала: «Здравствуйтесь, Ярослав».

Выговорила чинно и спокойно.

– В ресторан вы со мной, Варвара – краса, не пойдете, это я уже понял, в парке мы были, – размеренно и даже с едва уловимой насмешкой озвучил Гордеев. – А как вы относитесь к выставкам?

– Каким? – я спросила настороженно.

Припомнила и невольно скривилась.

Была тут у нас в начале мая выставка «Modern Art» и два билета, которые торжественно подарил мне Вениамин, что – на мою беду – ещё на первом курсе решил, будто бы я любовь всей его жизни.

Мы с его мамой, Соломонией Яковлевной, были единодушно и категорично против сего решения и выбора. Я, потому что терпеть не могу маменькиных сыночков, которые рта без разрешения родительницы не открывают и носки себе сами постирать не в состоянии, к тому же Венечка, что самый абзац, обожал играть на публику. Мама же Вени была против, поскольку я стопроцентно и безоговорочно была не достойна её идеального Вени, являясь и стервозой редкой, и проходимкой, и провинциалкой, и хищницей, и...

... и проще было сказать, кем я не была: идеальной спутницей для идеального мужчины.

И вот с намёком – я не намекаю, но ты ж понимаешь, для кого второй билет – Вениамин, выраженный, как обычно, по последней моде – той, которая в шоке от яркости – торжественно вручил мне эти два билета. Важно поправил умильную красную бабочку, что просто гармонировала с зеленой рубашкой, и засверкал для пущего эффекта улыбкой, аки начищенный самовар.

Я картинно расторглась.

Поделилась радостью, что моя лучшая подруга уже неделю мечтает туда попасть, а билеты достать никак не может. Но Веня – молодец какой! – прям как знал, что дарить, осуществил её заветную мечту.

Теперь мы обязательно с ней туда ходим.

Веня расстроился, Мила офигела.

Современное искусство она не то, чтобы не любила, скорее она его слегка не понимала и ещё более слегка остерегалась. Я, впрочем, тоже. Шишкин, Брюллов и Айвазовский навсегда в моей провинциальной, далёкой от моды и искусства душе.

Но... не выкидывать же два билета за кучу денег?

Короче, мы ходили.

Хватило нас на три минуты. До первой картины нас хватило, около которой секунд тридцать мы ещё честно отстояли, а после синхронно крутанулись в сторону стеклянных дверей входа и под удивленный взгляд охраны пошли обратно.

Быстро.

«В Камасутре и то, как-то поприличней будет», – уже на улицы выдавила Милка.

Подумав, она добавила: «И понятней».

Переглянувшись, мы расхохотались. И на выставки заглядывать больше не рисковали, избегали старательно, поскольку при слове «выставка» с тех пор в воображении всплывает совсем неприличная картина.

– «Подъем с глубины». Фотовыставка молодого, но, поверьте, весьма талантливого фотографа. Макс Лоар.

Макс Лоар?!

Тот самый Лоар, что успел получить несколько международных престижных премий за свои фотографии? Тот Лоар, которому пророчат пару лет и Пулитцеровскую премию, ибо он действительно талантлив и надежды подает?

– Он мой друг. Очень просил прийти, – продолжал Гордеев, – но времени всё как-то не было, да и одному, а тут... Так вы пойдете, Варя?

Нет, я не пойду.

Я побегу!

Ведь это Лоар – это раз, а за стеной паразитология и – я прислушалась – трихинелла – это кошмарное два.

– Конечно, это ж Лоар! – я выпалила прежде, чем подумать, а, тормознуто подумав, язык прикусила.

Не самое приятное признание для мужчины, зовущего на... свидание? Пожалуй, да, свидание.

Но Гордеев неожиданно рассмеялся.

– Рад, что вы так высоко цените его творчество, Макс будет приятно узнать это. До вечера, Варя, в шесть я за вами заеду.

Он отключился, а я мазнула взглядом по циферблату.

Два часа.

У меня осталось четыре часа?!

Всего четыре?!

С кровати я подорвалась.

Ярко-алое платье было чуть выше колена и с вырезом петлей, у которого зона декольте полностью закрывалась, а вот спина обнажалась почти до поясницы.

Красиво.

И волосы я старательно завила. Подвела едва заметно глаза и ресницы, что и без туши длинными и чёрными были, а вот помаду я выбрала привычно и любимо красную, подобрала среди большой коллекции в тон платью. Довершали же образ чёрные туфли на тоненьком, но высоченном каблуке и клатч.

Всё, сегодня Варвара Алексеевна – красотка!

Я, в последний раз придирчиво оценивая своё отражение и поправляя накрученные локоны, довольно улыбнулась зеркалу и повернулась к двери, в проеме которой застыл траурным монументом Дэн с Сенечкой на руках.

Оба смотрели на меня одинаково мрачно, уныло и скептически.

Улыбаться при виде этих постных и кислых рож расхотелось совершенно, и я, закатив глаза, повторила в сотый раз:

– Меня не будет всего пару часов, переживете!

Они переглянулись.

И скепсиса прибавилось на фейсах обоих, а я, скрипнув зубами, с нажимом повторила:

– Переживете. Дэн, ты всё равно дома сидишь, зубришь вслух. Вот, считай, я тебе нашла благодарного и заинтересованного слушателя. Будешь ему своих гадов-паразитов рассказывать, оба узнаете про родственников. Сенеке вот очень интересно.

Енот фыркнул.

И я, сузив глаза, процедила уже с угрозой:

– Сенечке интересно, – я утвердила безапелляционно, ткнула, подойдя, соседу в футболку и грудь пальцем, и даже голову, чтобы смотреть ему в лицо, первый раз не пришлось запрокидывать. – И тебе, Дэн, тоже. Ты в курсе, что разговоры с самим собой – это прямой путь к шизофрении? Нет? Ну вот, я вообще твой спаситель! Бесплатно, заметь, предоставляю слушателя, благодаря которому ты вроде уже не дурак и шизофреник.

«Не дурак и шизофреник» мрачно сверкнул глазами.

«Благодарный слушатель» угрожающе засопел.

А я почла за благо протиснуться мимо них в коридор и, подхватив плащ, из квартиры ретироваться.

– Мальчики, ведите себя хорошо!

Рукой на прощание я помахала, послала воздушный поцелуй и даже успела до того, как в закрытую дверь что-то или, допуская, кто-то прилетел.

Гордеев из машины вышел сам.

Открыл зонт и, придерживая дверь, галантно помог мне сесть.

– Вы выглядите обворожительно, Варя. Рад, что вы согласились на моё предложение, даже если это согласие только из-за Макса, – Ярослав улыбнулся.

А я ослепительно улыбнулась в ответ.

Не призналась, что согласие это в большей степени из-за паразитов, в которых я теперь неплохо разбираюсь. Вряд ли бы подобная честность нашла понимание, не оценил бы её Гордеев, который и так, кажется, обижен.

Задет за живое.

Поэтому вслух я сказала другую правду:

– Вы тоже интересный человек, Ярослав Викторович Гордеев.

– Приятно слышать, – интересный человек хмыкнул.

Подав знак водителю, и мы поехали.

В тишине, в которой ехать было слегка неудобно, поэтому, штрихуя неловкость, я спросила то, о чём при желании, а оно у меня имелось, можно было разглагольствовать до самой выставки и через все пробки и светофоры.

– Чем вы занимаетесь, Ярослав?

Вот то, что спросила я.

Задала закономерный вопрос, учитывая личного водителя и все остальные атрибуты богатства, включая машину, марку которой я и под дулом пистолета не скажу и не узнаю, но вот раньше в подобных автомобилях мне кататься точно не приходилось.

И да, говорил о своей работе Гордеев до самой выставки.

Пытался объяснить неисправимому гуманитария в моём лице. И сначала он говорил отрепетировано, сухо, официально, как повторял, наверное, сотню раз для журналистов, но... после моего хлопанья ресниц и честного: «А можно ещё раз, только как для дураков?» владелец «Карт-медии» запнулся.

Замолчал, уставившись на меня.

– Мне любопытно. Правда, интересно, чем вы занимаетесь и зарабатываете на вот это всё, – я усмехнулась и обвела рукой дорожный салон, щёлкнула пальцами. – Но из всего, что вы мне только что сказали, я в лучшем случае поняла две пятых. Информатика – это не моё, от слова «совсем». Мне в школе по ней пятерку нарисовали, только чтоб аттестат не портить.

Гордеев хмыкнул.

А затем неожиданно широко улыбнулся, повернулся всем телом ко мне, сел куда свободнее и удобнее. Начал рассказывать, активно жестикулируя и приводя смешные аналогии, с которыми стало куда понятней.

Я даже уточняла некоторые моменты, хохотала.

И, пожалуй, я чуточку сожалела, когда машина остановилась и водитель, опустив стекло, объявил, что мы приехали.

Макс Лоар.

Меня познакомили с ним буквально с порога.

И не таким я представляла себе фотографа, вообще фотографов в целом. В моём воображении они все были почему-то невысокие и худые, как Мила, что про Лоара мне когда-то и рассказала, она увлекалась фотографией с детства.

Нет, ну что?

Хороший фотограф должен везде пролезть и удержаться! А если ты под центнер или два метра в высоту, то это уже, на мой взгляд, весьма проблематично.

Как оказалось, не всегда.

И если Гордеев был в меру накачан и спортивен, когда все трицепсы, бицепсы и кубики есть, но не выирают, то Макс Лоар оказался фанатом спорта и бодибилдинга. Или где там у нас лучше всего прокачивают плечевой пояс?

Ещё «молодой, но весьма талантливый фотограф» был под два метра ростом, поэтому даже на каблуках я взирала на него снизу вверх.

– Славка, ну наконец-то, рад тебя видеть! – плывя к нам, расплылся в широкой улыбке друг Гордеева.

Они, сцепляясь руками, приветственно обнялись, похлопали друг друга по плечам и обменялись дежурными фразами. Я же скромно стояла рядом, ждала, когда обратят внимание, и разглядывала Лоара.

Он, ко всему прочему, был наголо брит, и мой взгляд всё время невольно цеплялся за блестящую в свете ламп макушку. Или за нос, что соответствовал орлиному и, кажется, был ломан. И, пожалуй, внешне Макс Лоар больше смахивал на боксера, чем фотографа.

Нет, я его представлял определенно другим. Не знаю каким именно, но точно не таким... масштабным и лихим.

И меня, обрывая размышления, таки заметили.

– А что за красавица с тобой сегодня, а, Славка? – белёсые брови Лоара взметнулись вверх, а на меня уставились блестящими любопытством глазами.

– Варя, моя... хорошая знакомая, – замешкался, но всё же дал характеристику Гордеев.

И, пожалуй, она меня устроила.

Знакомая – это нейтрально-идеально.

– Очень приятно познакомиться с вами лично. Наслышана о вашей зимней выставке в Вене, – я протянула руку для рукопожатия, но мне её галантно поцеловали, а на словах о Вене ещё и с большим интересом посмотрели. – Ваши эксперименты с ломографией⁵ были поистине смелыми...

– Я влюблен, я очарован... – пропел Лоар, прощаясь через два часа на крыльце галереи и снова целуя мою руку. – Славка, береги свою красавицу, иначе уведу.

Он шуточно погрозил ему пальцем. А Гордеев что-то мрачно буркнул в ответ, но я сама была в состоянии «влюблен и очарован», хотя совсем и не оганчарована⁶, поэтому внимания не заострила.

– Варя, вы меня покорили познаниями, а ваш интерес к нашему скромному ремеслу!.. – Макс захлопал по карманам и вытащил чёрный прямоугольник визитки. – Вот, возьмите. Если захотите снова прийти или подискутировать об искусстве, то милости прошу. Для вас я всегда свободен.

– Спасибо.

Визитку я взяла, и мы снова распрощались, пообещав заглянуть ещё раз до закрытия, что обещано было через месяц.

Нет, сегодня, в самом деле, прекрасный вечер, и даже плохое настроение Гордеева мне этот день не испортит. Понятно, конечно, что я обломала человеку свидание и общение тет-а-тет, но стыдно мне не было.

Мне было интересно.

И поэтому извиняться я не стала, не заговорила первой. И до самого дома мы едва перебросились парой ничего не значащих фраз, но из машины, удивляя, он вышел всё-таки проводить меня сам. Смазал бы, пожалуй, восторг вечера, но от распирающей радости и лёгкости я не чувствовала смущения и неловкости момента, что так свойственен минутам прощания.

Я просто поцеловала Гордеева в колкую от за день выросшей щетины щеку и почти поскакала к подъезду, чтобы замереть с уже открытой дверью и, оглянувшись, широко улыбнуться.

– Спасибо за самый лучший вечер в моей жизни!

А дома меня ждал полумрак коридора, подозрительно радостный Сенечка, что выкатился из кухни, и звучавший оттуда же жизнерадостный голос:

– ...дальше самка комара впрыскивает слюну с плазмодием в кровь очередного укушенного и тем самым заражает его малярией...

Я обреченно прислонилась к двери и, закрыв глаза, тихонько завывала в такт бодрому голосу.

Ненавижу паразитологию!

⁵ Ломография – жанр фотографии, который ставит своей целью запечатлеть на снимках жизнь во всех её проявлениях такой, какая она есть. Ломография не берёт во внимание такие понятия качества как резкость, цветопередача, плотность. Девиз ломографов всех стран – LoMo – «love and motion» – любовь и движение.

⁶ Герои используют первые две строчки стихотворения А.С. Пушкина «Я влюблен, я очарован, Я совсем оганчарован...»

7 ИЮНЯ

Сегодня было официально покончено с повторением паразитологии. Ура, товарищи, ура! Я вздохнула с облегчением, перекрестилась, будучи атеисткой, и на радостях решила приготовить мясо в горшочках.

Последние мы с Сенечкой случайно обнаружили во время генеральной уборки.

А генералили мы вчера.

Прибирались под великие страдания Дэна о том, что мы ему мешаем заниматься, и, вообще, у него всё лежит на своих местах. В момент последнего высокомерного заявления Сенека очень вовремя извлёк из обувной тумбы, где хвостатый паршивец под шумок решил оборудовать себе очередное жилище, железную кружку с засохшей булкой.

Я, иронично выгнув бровь, уставилась на Дэна.

– Гений господствует над хаосом, – не дрогнув, столь же высокомерно отрезал он и скрылся в своей комнате.

Доучивать паразитологию, дабы сегодня за завтраком гордо объявить, что мухи, вши и блохи успешно пройдены, закреплены в памяти и готовы для сдачи.

Я уже ставила глиняные горшочки в духовку, когда зазвонили в домофон. От неожиданности чуть не выпустила из рук один и чертыхнулась.

Не, пускай Дэн идёт.

У меня тут мясо и енот, который уже тянет лапы к крышечке и...

– Сенека, имей совесть! – я возмутилась, выдернула из-под самого чёрного носа последний горшочек и торопливо запихнула его к остальным в духовку. – Я пять минут назад тебе целую вареную курицу дала!

Енот, сидя на задних лапах и поджимая передние, скромно потупился.

– Что, всё съел?!

Я ахнула и перевела ошарашенный взгляд на его миску с водой.

Пустую.

– Тыпустишь меня по миру, троглодит хвостатый!

Сенечка презрительно фыркнул, а в кухню заглянул Дэн, поправил очки и непривычно растерянно проговорил:

– Варь, к тебе там пришли.

Будь на дворе тридцать седьмой год, то я решила бы, что чекисты, поскольку голос и вид моего соседа только их визиту и соответствовал. Однако год был не тот, поэтому я только вручила енота Дэну, как эстафету, и пошла узнавать, кто по мою душу явился.

Честное слово, лучше бы чекисты!

Но жизнь – увы и ах! – ко мне немилосердна...

В дверях светился от радости Вениамин собственной персоной.

При параде.

И с огромным букетом розовых роз.

И весь мой богатый словарный запас при взгляде на эту картину испарился как-то враз. Осталась только гулкая пустота в моей голове, а Веня...

...Веня ещё на второй неделе учёбы и знакомства решил окончательно и бесповоротно, что я – его судьба. Он решил и, как всякий уверенный в себе мужчина, действовать активно и решительно начал.

Девиз: «Вижу цель – не вижу препятствий» был его руководством к действию.

В прямом смысле слова.

Препятствий он не видел, никаких и никогда.

Контрольная по старославянскому, когда все активно переводят и выискивают глаголы? Пфф, фигня! Ради пятиминутного выступления двух музыкантов из ближайшего перехода – приглашение на свидание должно ведь быть эффектным? – все отвлекутся, проникнутся, умилятся, а главное Варечка согласится.

Варечка, правда, была согласна только зафитилить в него туфлей с пятнадцатисантиметровым стальным каблуком, поскольку в деканат вызвали нас обоих и сделанную, если не идеально, то почти, мою контрольную аннулировали тоже.

Или был ещё выдающийся случай.

Преддверие восьмого марта.

Нежные и хрупкие тюльпаны, открытки, страдальцы-мужчины и концерт внутри нашего любимого исторического факультета. Сооруженная сцена в одной из больших аудиторий и занавес-штора к ней. Все в приподнятом настроении ждут начала. Смеются, переговариваются, мужская часть нервно готовится. Первым, как и положено, с торжественной речью выступает декан. Шторы-занавесы медленно разъезжаются за его спиной, и мы видим растянутую на всю стену надпись: «Варенька, я тебя люблю!!!»

Большими алыми буквами.

С сердечками.

Можно не говорить, что декан, а заодно все остальные не очень были рады столь широкому жесту пылкого влюбленного?

Да и на меня, пытавшуюся слиться со стеной – и, вообще, не Варенька я! – тоже кидали взгляды, далёкие от радушных. Особенно декан, что от пошедшего не по плану мероприятия слегка так побагровел.

Прямо под цвет Вениной рубашки.

Которых у Вениamina Вассермана, к слову, было много.

Как и галстуков-бабочек, без коих из дома он, кажется, ещё ни разу в жизни не вышел. И меня не покидали смутные подозрения, что даже в яслях эта идиотская бабочка гордо украшала шею маленького Вассермана, а Соломония Яковлевна, повязывая её каждое утро, смахивала слезу умиления.

Такой ведь приличный и хороший мальчик.

Нарядный.

В меру упитанный.

Грустный Карлсон, как окрестили его на родном курсе. И не будем показывать пальцем, кто такой добрый и креативный подал идею к такому прозвищу. Эта страница истории навсегда останется покрытой мраком, и я ни за что на свете не признаюсь, что первой в порыве ярости Карлсоном его обозвала я.

Ну, а про грустного добавил кто-то из народа. Чётко, к слову, подметил, поскольку грустным Венечке ходить до скончания века или появления новой судьбы, поелику я этой самой судьбой становиться категорически отказываюсь.

Мы не совместимы.

Никак.

И дело даже не в росте, что у Вени метр с кепкой, отчего все разговоры у нас с ним получаются неравными, а его глаза не поднимаются выше моей груди, и не в том, что шевелюра у Вассермана рыжевато-морковного колера.

Просто... просто мне с ним неинтересно.

И душно.

Он душит своим вниманием, оглушает пафосными монологами, а от его нарядов у меня рябит в глазах. И главное, от его театральщины неизменно появляется желание провалиться под землю, попутно делая вид, что мы даже не знакомы.

Без театральщины же Веня не может.

И год назад, когда я только начала встречаться с Вадиком, Веня, упав на колени, отчаянно и драматично заявил, что он проявит выдержку и дождетя того времени, когда я одумаюсь и вернусь к нему, потому что именно он, Вениамин Вассерман, а не презренный Вадик, любовь всей моей жизни.

Я тогда только глубоко вдохнула, шумно выдохнула и, обогнув Веню по дуге, молча прошла дальше, объяснять и спорить было бесполезно и себе дороже.

А теперь... вот сейчас на пороге квартиры, глядя на Веню, я это вспомнила и едва не расхохоталась.

Истерично.

Чёртов дневник!

Молодец, Варвара Алексеевна, захотела встретить любовь всей своей жизни?! Так получи и расписаться не забудь.

«Любовь всей твоей жизни» каким-то образом нашла тебя сама. Объявилась на пороге новой квартиры, и теперь мнётся в парадном оранжевом пиджаке, под которым кокетливо виднеется весёленькая рубашка в цветочек и, конечно, неизменная бабочка.

Фиолетовая.

И я, смотря на всё это, очень так хорошо поняла, почему даже вечно мрачный и невозмутимый Дэн проникся и изумился. Когда такое чудо объявляется на пороге твоего дома, остаться равнодушным нельзя.

Да.

– Вассерман, ты что здесь делаешь, а? – без особой радости, скорее мрачно, в духе Дэна, поинтересовалась я.

– Варя, я всё знаю! – патетично, будто только и ждал моего вопроса, воскликнул Веня и, простерев руки и букет в мою сторону, рухнул на колени.

Вздروгнули и я, и пол.

Пол от тяжести, а я...

Нет, ну ни за что не поверю, что только у меня есть пара косяков, кои мелькают сразу после этой прекрасной фразы. Все после слов: «Я всё знаю!» вздрагивают, вспоминают, что именно какая-то сволочь может знать и откуда, а потом быстренько прикидывают, где лучше прикопать труп этого всезнающего.

Так что повод вздрогнуть у меня был.

И ещё какой...

Но спрашивать – Что же ты, солнце рыжее, знаешь?! – я не стала. Сложив руки на груди, я ждала продолжения обличительной речи от артиста погорелого театра и тоскливо думала, что буду, кажется, не единственной зрительницей.

Угадала.

Из кухни на шум с бананом в руке выглянул Дэн, а на его штанине красочно висел Сенечка, что, имея на редкость целеустремленный вид, пытался вскарабкаться повыше, жадно тянул лапы к банану и тихо, но крайне возмущенно фыркал-сопел.

– Что, Канатчикова дача начала давать гастроли? – с интересом рассматривая павшего ниц Вассермана, хмыкнул Дэн.

Я закусила губу, дабы не рассмеяться.

Веня же поднял голову, с ужасом уставился на Дэна и, вопрошая, трагически провыл:

– Кто, Варечка? Кто это такой? – пошёл на понижение до страшного шёпота Вениамин, и... и его голос взметнулся обратно ввысь, до фальцета. – На кого ты меня опять променяла, о, Варвара?!

Дэн поперхнулся.

Сенечка, забыв на миг даже о банане, что уже был пару раз надкушен соперником, замер и покосился на Вассермана.

– Я знаю, как подло тебя бросил тот гадкий человек. Ты предпочла тогда его! Несмотря на все мои уговоры и предостережения, – продолжил трагедию в духе Шекспира Веня, по которому, судя по скрытым талантам, должны рыдать все театры мира, начиная с Большого. – Но теперь, обжегшись и зная, что я был прав, что я и, только я, сделаю для тебя всё в этом мире, ты снова выбираешь не меня? Ты ушла к вот этому?! Почему, Варя, почему?! Ведь я же люблю тебя! Боже, только ты знаешь, как сильно я люблю её!

Веня закатил глаза к потолку.

Зря.

Бога там точно нет.

И почему, если на то пошло, только боже?!

Весь исторический факультет, включая декана, тоже в курсе, Рома с Милой опять же знают, а теперь ещё и Дэн с Сенечкой в известность поставлены. На последних я и покосилась, помахала за спиной рукой, мол, валите отсюда.

Конечно, они меня сразу послушали и ушли.

Да-а-а, в моих мечтах.

В жизни эти двое меня нагло проигнорировали.

Продолжили с любопытством наблюдать за страдальческим монологом влюблённого, что обороты и риторические вопросы только набирал. Сенечка же набрал высоту, добрался-таки до банана, устроился с удобством на руках соседа, и... и с Дэном от этого самого банана они теперь откусывали попеременно.

И смотря на это всё, хотелось то ли заорать, то ли захохотать.

Кажется, на Канатчикову дачу первой уеду я.

– Варенька, я говорил с мамой, – Веня, не вставая с колен и выставив перед собой подобно щиту букет, пополз в мою сторону. – И знаю про твои проблемы с деньгами и жильем. Она согласна, чтобы ты переехала к нам. Она приняла мой выбор!

Ну как так-то, Соломония Яковлевна?!

Наша с вами, пускай, и единственная, но незабываемая встреча у дверей института успокоила меня, что вы будете стоять до последнего, умрётё, но золотце своё в мои алчные ручки не отдадите!

Я ведь поверила, а вы...

Вот и верь после этого людям!

– ...мама поняла, как сильно я тебя люблю, когда я две недели отказывался кушать её бесподобный тейглах⁷! – Веня признался с гордостью.

Я не нашлась с ответом.

А Дэн скептически хмыкнул... почему-то над самым моим ухом хмыкнул, защекотал дыханием и едва слышно поинтересовался:

– Помочь или как?

– Или как, – также тихо пробормотала я. – Уйдите лучше.

Пожалуйста.

Но Дэн не ответил и не ушёл.

И пока он, кажется, о чём-то думая, стоял рядом дальше, Веня замер у моих ног и, вскинув вверх руку с букетом, закончил:

– ...теперь я жду только твоего ответа, Варенька. Только от него зависит моя погибель или моё счастье, которое можешь даровать мне лишь ты. Ты переедешь к нам с мамой и будешь моей девушкой?

Вопрос повис во враз наступившей тишине.

⁷ Тейглах (шарики в меду) – вид печенья, популярный в еврейской кухне. Представляет собой изделие из теста для хвороста, приготовленное в сахарном сиропе.

Потонул в ней, а я неловко покачнулась назад, почти упала на руки Дэна. Он же удержал и за плечи обнял, а потом в сторону решительно отодвинул и, шагнув к Вене, присел около него.

– Слушай, кончай комедию играть, а, – как-то проникновенно и весьма угрожающе проговорил мой сосед, сообщил негромко, но твердо. – Варя никуда не переедет, и девушкой твоей она не будет.

– Почему это? – Веня, вскинув голову и сощурившись, губы обиженно выпятил. – Чем ты лучше меня?

– Ничем, – головой Дэн мотнул, пожал безразлично плечами, и договорил он холодно, но слишком уверенно. – Просто она уже моя девушка, и я тебе её не отдам.

Вениамин, откинув назад рыжий чуб, гордо удалился вместе с букетом и... моим хорошим настроением.

А к шести вечера вновь забарабанил по стёклам серый дождь, затянуло свинцовыми тяжёлыми тучами всё небо, что потемнело вдруг, надвинулось на землю, и, закрывая окно, я окончательно впала в тоску и меланхолию.

Не люблю дождь.

И Веню, после которого настроение стабильно в минус.

Ещё сосед удивил.

Можно сказать, защитил, ответил за меня, когда я не могла выдавить из себя и слова. И думается как-то неправильно, что Вадик вот так ни разу не поступил. Он презрительно кривился, издевательски смеялся, но никогда мне не помогал избавиться от Вени.

И надо сказать спасибо Дэну.

Только вот после дневного шоу он скрылся у себя, засел, кажется, дальше за свою биологию, и отвлекать его у меня чуть ли не впервые не хватало духу. Да и отыскать силы на пойти-постучать-поговорить у меня не получалось.

Поэтому спасибо я скажу завтра.

Да.

А сегодня... сегодня у меня была гора подушек, которые я накидала к открытому балкону, сташенный со стола ноутбук и мирно дремлющий Сенечка под боком, что в роли грелки ныне выступал.

Ещё телефон.

Я позвонила Миле, которая, однако, не ответила и из меланхолии меня не вывела, не согласилась с тем, что Веня – полный придурок, а я – не полная дрянь, игнорирующая порывы большой и светлой.

И устав слушать гудки, я отложила телефон.

Придвинула ноутбук.

Значит-с, Варвара Алексеевна, будем справляться сами и фильмами. Старыми, любимыми, проверенными не одной депрессией.

«Имитатор» с Уивер, «Игра» с Дугласом или «Сердцеедки» снова с Уивер?

Как в детстве, Эники-беники ели вареники...

Вышла «Игра».

Десять минут фильма, и в комнату со стуком заглянул Дэн.

– Да?

Сенечка, внаглую перебравшийся мне на живот, лениво открыл один глаз и чуть повернул голову.

Дэн же неожиданно спросил:

– С тобой можно?

Однако...

Я растерянно пожала плечами и спросила не менее растерянно:

– «Игру» с Дугласом смотрел?

– Нет.

Он подошел ближе, хмыкнул уже привычно, глядя на стоящий на импровизированном из подушек столе ноутбук, и рядом, скрестив по-турецки ноги, уселся.

– А как же биология? – я поддела, спросила, когда Николас ван Ортон прощался с женой, и покосилась на Дэна.

Улыбнулась.

Отвернулась, потому что моему соседу совсем не надо знать, что я рада тому, что он тут, пришёл, и тому, что я не одна. Это ведь очень важно, чтобы было с кем разделить тоскливый вечер и паршивое настроение.

– Достала. Там экология одна осталась, – даже в полумраке, при свете одного ноутбука было видно, как он болезненно поморщился, скривился. – Надо отдохнуть.

– Тогда отдыхай, – я согласилась и, потянувшись, перемотала на самое начало. – Смотри, я всё равно сто раз видела и ещё раз мне не надоест. Тут финал класный, ни за что не догадаешься! Но смотреть надо внимательно и с первой же минуты...

Оказалось, что с Дэном весело.

Интересно смотреть вдвоем.

Мы спорили о сюжете и героях, постоянно ставили на паузу, чтобы очередное предположение о том, что будет дальше, выдвинуть, заключали пари на шелбаны.

И смущения, что я всё это уже видела и знаю, не пришло.

Мы первый раз за всё наше недельное знакомство общались, смеялись, переругивались без настоящей ругани. Мы впервые говорили о чём-то большем, чем привычное и официальное привет-пока-ужин-обед-в-холодильнике-меня-сегодня-не-будет.

И... я не запомнила, когда заснула окончательно. Продолжал разговаривать голосом Дугласа ноутбук, а голова медленно опустилась на твёрдое, но теплое плечо.

Надежное.

8 июня

– Варя?

– М-м-м?

– Варвара, вы меня слышите?

– Угу, – я, медленно разлепляя ресницы, подтвердила неохотно.

Зажмурилась тут же быстро, и свободной рукой глаза для надежности прикрыла. Солнечный свет, ослепивший враз и до слёз, скорости этому придал неплохо, разбудил куда лучше, чем звонок.

И птички.

Что за окном чирикали мерзопакостно, пели до противного жизнерадостно. Залетал, играя невесомым тюлем, в комнату ветер, приносил запах лета и раннего утра, прохладу. И около уха сопели тихо и умиротворённо, щекотали шею.

Что...

Я попыталась сесть.

Сообразить, что происходит, где я и кто это рядом пыхтит. Впрочем, с последним я разобралась быстрее всего. Признала по влажному носу и жаркому меху вконец обнаглевшего и потолстевшего – диета ждёт тебя, поганец! – Сенечку, что на мне удобно растянулся, вякнул недовольно, когда с себя я его спихнула. Попыталась распутаться в не пойми откуда взявшемся пледе, попутно соотнося знакомый голос с именем, которое тоже вроде знакомое, но... в памяти оно всплывать отказывалось.

И, чувствуя, как трещит голова от всего и сразу, я постаралась поддержать разговор бодро-задорным голосом, ибо как я могу спать в... в...

Да, а, собственно, который сейчас час?!

– Варя, простите, что звоню в столь раннее время...

Я, наконец-то выбравшись из огромного и теплого пледа, села на полу, провела рукой по лицу, пытаюсь проснуться окончательно. Поежилась, сразу замёрзнув и потянувшись обратно к пледу, от холода, а в голове от этого же холода щёлкнуло, и знакомый голос таки соединился с именем, точнее сначала из памяти вынырнула фамилия.

Гордеев.

– ...надеюсь, что я вас не разбудил...

Ноутбук, по которому было стукнуто почти на ощупь, включился своевременно, загудел тихо, показывая привычную заставку с прозрачными мыльными пузырями, за которыми белые цифры времени я всё одно разглядела.

Подавилась, резко просыпаясь, зевком.

Полшестого утра?!

Он надеется, что не разбудил меня в полшестого утра?!

– ...хотя, скорее всего, вы ещё спали.

Какой догадливый!

Ответить и ласково, и убийственно: «Ну что вы, Ярослав, я давно встала. Алексей Михайлович – мой кумир!» тянуло сильно, но исторический сарказм вряд ли был бы оценен и понят, поэтому вслух сказала я другое, спросила обеспокоенно:

– Что-то случилось, Ярослав?

Честно, зубами я скрипела только мысленно.

Материлась тоже.

– Я улетаю в Берлин на две недели, – Гордеев проговорил негромко, странным тоном, в котором извинения мне почудились. – Перед вылетом захотелось услышать ваш голос...

Злобный и охрипший со сна?!

Правда, это было бы мило, не будь на часах пять тридцать утра!

Очень злая, но уже далеко не такая сонная, я молча переваривала признания явного романтика и слушала повисшую между нами тишину. Странную тишину, ибо в ней призрачным эхом шумел и гудел далёкий аэропорт.

У которого свой, особенный, голос.

– По работе летите? – я всё же спросила.

Произнесла, когда молчать и слушать этот гул стало больше невозможно, а от обоюдного молчания появилось чувство неловкости.

Собственной дурости.

– Да, – он подхватил, заговорил торопливо и бодро, – планируем подписать контракт с немцами. Полгода шли переговоры и вот...

Контракт.

Ясно и понятно.

Он, смазывая объяснения, заразительно зевнул.

– Извините, – Гордеев, кажется, смутился.

А у меня возникли подозрения, что принцип: «Не спишь сам – не давай другим» люблю и претворяю в жизнь не только я.

Есть у нас что-то общее, да.

– Так и быть, – я, зевая в ответ, согласилась охотно.

– Всё-таки я вас разбудил.

– Да.

– Простите.

– Прощу, – я, снова зевая, головой согласно мотнула, уточнила мстительно, – часам к двенадцати. И даже индульгенцию вышлю. Голубиной почтой. Ждите.

– Варвара, вы всё же очаровательны, – Гордеев рассмеялся.

А я... я улыбнулась.

Сердиться на него долго как-то не получалось. Хотя с очаровательностью я бы и поспорила, не видел он меня по утрам, особенно во время сессии.

– А я эгоистичный дурак, – продолжал он, пожалуй, шутливо. – Готов каяться и извиняться. Просите что угодно, привезу из Берлина то, чего душа желает.

– Мне?! – я уточнила.

И растерялась.

От щедрости невиданного масштаба.

– Да, Варя, вам.

В голосе Гордеева послышалась улыбка.

А у меня перед глазами показался длинненький такой, как в мультиках, свиток, что мысленно раскатился на всю комнату. Привиделись соборы и дворцы, аккуратные улочки и старинные фахверковые дома.

Музейный остров.

И зоопарк со слоновыми воротами.

– Фотокарточку рейхстага, – в итоге буркнула я.

И вакцину от зависти.

Гордеев помолчал, а после скорее утвердил, чем спросил:

– Сердитесь?

Он издевается, да?

Конечно, я сержусь!

Мало того, что разбудили, можно сказать, ночью, так ещё и сообщили, что кто-то сваливает в Берлин со всеми его достопримечательностями и красотами, а кто-то остается в нашем

родном и любимом городе, где каждый музей и здание, имеющее хоть какое-то историческое значение, изучено вдоль и поперек.

– Нет, не сержусь, – я, прогоняя остатки зависти, выдохнула и ответила уже серьёзно. – Ярослав, мне ничего не надо.

– Хорошо, – он отозвался после паузы, и его голос обиженным сделался, превратился в лёд. – Я вас понял, Варвара. Объявили посадку...

– Я поняла, – улыбку, что, кажется, вышла грустной, я скривила открывшему глаза еноту и показала язык. – Удачного полёта и мягкой посадки.

– Спасибо... Варя?

Он позвал.

Когда я почти отключилась, скользнула по экрану пальцем, но в последний миг замерла, застыла, чтобы, подумав не больше пары секунд, спросить:

– Да?

– Не исчезай из моей жизни.

Уснуть в этот день я больше не смогла, поэтому по-утреннему хмурого и сонного Дэна на завтрак ждала овсянка и сырники. На кашу он брезгливо поморщился и отодвинул, а сырники, всю тарелку, придвинул к себе.

– Сначала каша, – я выдала улыбку великого тирана и назидательным тоном проговорила. – Будущий врач должен знать о пользе правильного питания и овсянки, которую подают на завтрак всех английских аристократов.

Тарелка сырников уехала обратно на середину стола, а каша была водружена ему под нос.

– Кушай и наслаждайся.

– Варвара, ты не Варвара, а жестокий варвар, – печально констатировал мой сосед.

– Знаю, – жестокий варвар в моём лице оскалился безмятежно.

И мило.

И что я могу сделать, если овсянку в отличие от многих любила всегда?

Вообще считаю, что в садике меня недолюбливали именно из-за этого, а не потому что, как утверждает мама, я отбирала куклы у девочек, постоянно дралась с мальчиками и не давала никому спать в тихий час.

Вот.

– Ты... – Дэн, беря ложку, протянул тоскливо.

Не договорил.

Ибо зазвонил неожиданно мой телефон, заставил вздрогнуть, а высветившийся знакомый номер, что когда-то давно и невзাপравду был подписан именем Геродота, заставил побледнеть, перестать язвительно улыбаться.

И из-за стола я вышла поспешно, сбежала в свою комнату, не обращая внимания на удивленный взгляд соседа и его неразборчивое восклицание. И дверь я закрыла плотно, посмотрела на вибрирующий телефон, который побелевшими пальцами сжимала.

Геродот.

Отец истории, как известно.

Тот, кто столь настойчиво звонил, для меня тоже отцом истории являлся. А ещё он был профессором археологии и куратором моей группы, что носился с нами уже два года, решал всевозможные проблемы и переживал, как за своих детей.

И я долго медлила прежде, чем ответить, но... за свои поступки ответ держать надо.

– Илья Германович? – я произнесла первой, проговорила непривычно робко.

И внутри что-то ухнуло.

Оборвалось, будто я с разбегу и вышки прыгнула в ледяную воду реки, как было однажды в детстве. Мы тогда искренне считали, что двадцать седьмого мая после трёх дней жары под тридцать вода успела прогреться, можно купаться.

Спас меня в тот день Ромка, вытащил.

– Варвара, здравствуй.

– Здравствуйте.

– Через час у вас начнется экзамен. Средние века, кажется?

– Да.

Я, пусть он и не мог видеть, кивнула осторожно. Почувствовала, как в голове противно и трусливо зазвенело, похолодело всё внутри.

Первый экзамен из пяти.

И если я передумаю, то ещё есть и шанс, и возможность. Только сесть на трамвай и проехать три остановки, перейти дорогу и зайти в корпус, а там пятый этаж и знакомая до боли большая аудитория.

– Варя...

– Илья Германович, я уже всё решила, – я перебила его быстро, решительно, пока эта самая решительность меня не покинула.

– Варя.

– И заявление я уже написала, – вот это я проговорила совсем скороговоркой.

И зажмурившись.

Я боюсь того, что он может сказать?

Да, боюсь.

Потому что я точно знаю, что он может... уговорить. Геродот убедит в своей правоте, разложит по полочкам всю мою глупость, и я... останусь. Ещё на год, а там мудрый отец истории снова найдет правильные слова или их даже не потребуется, потому что я смирюсь, напомним сама себе, что до окончания всего курса.

Поздно рыпаться.

– Заявление не проблема, – он говорит спокойно и вдумчиво.

Как всегда, как на лекциях, которые он нам читал на первом курсе, а мы, заворуженно слушая, никогда их не пропускали.

Он же умеет говорить интересно, убедительно.

И я, оттолкнувшись от двери, выхожу на балкон.

Мне нужен свежий воздух.

– Нет.

– Варя... – в его голосе слышится горечь.

И я до боли и онемевших пальцев сжимаю телефон, что кажется обжигающе горячим, невозможно тяжёлым. Отшвырнуть бы его, выкинуть, чтобы не говорить, не травить себе душу и в выборе своём не сомневаться.

– Илья Германович, я не могу.

– Не хочешь, – он возражает проницательно, усмехается.

Да.

Так... честней.

Мочь могу, но больше не хочу.

– Что ж... зайди хоть со стариком попрощаться, Варвара Алексеевна, – Геродот вздыхает тяжело и, кажется, смиряется.

– Зайду, – я, не обращая внимания на слёзы, моргаю и обещаю.

Честно.

Я ведь ещё не забрала академическую справку и аттестат.

Второй день Мила не отвечала на звонки, не заходила в сообщения, сети. Она не подавала признаков жизни, и на неё это было совсем не похоже. Молчал и телефон Юрки, до которого дозвониться я тоже пыталась.

И поэтому к обеду, расхаживая по дому и роняя всё подряд, я начала волноваться, а к пяти вечера уговорила Дэна остаться с Сенечкой и, в сотый раз безрезультатно набирая номер, поехала к пропавшей со всех радаров подруге.

Открыла она не сразу, а как раз в тот момент, когда я уже была готова звонить Ромке, МЧС и бог знает кому ещё.

– Привет. Чего долбишь? – безжизненным голосом спросила Мила, отступая вглубь прихожей и кутаясь в не по-летнему махровый халат.

А я опустила руку, прекратив давить на дверной замок, и уставилась на неё.

– Милка... – это было единственное, что я смогла выговорить, разглядывая мою лучшую подругу детства и юности.

То, что стояло напротив меня, совсем не было похоже на Милу.

Нет.

Мила не такая.

Она весёлая, жизнерадостная, целеустремленная, немного циничная. Господи, да она любая, но только не поникшая и равнодушная!

У вот этой бледной копии моей Милы даже ярко-рыжие волосы потускнели, перестали виться задорными кудряшками, за которые ещё в детстве её дергал Ромка. Выцвели пронзительно голубые глаза, покраснели красноречиво.

– Мил, что случилось?! – оглядев её и отогнав промелькнувшие за секунду ужасы, едва слышно прошептала я.

Закрыла, наконец, зайдя, за собой дверь.

– Юрка ушёл.

– Куда ушёл? – я моргнула непонимающе.

Подумала заторможено про хлеб и магазин через дорогу, в крайнем случае, за углом. Там ассортимент больше.

Это же Юрка.

Юрец, как называл его, пренебрежительно кривясь, Ромка. Он Милку обожает, сооружает алтарь в её честь и молится ежедневно, как фыркает тот же Ромочка!

Куда он мог уйти?!

Только за хлебом...

– Не знаю, он не сказал, – Мила пожала безразлично плечами, пошаркала тапками в сторону кухни, уточняя раздельно и обстоятельно. – Собрал вещи. В чемодан. Из кожи. И ушёл. Вчера. Утром.

– Как?

– Ногами.

– Мил, я серьёзно!

Я, пойдя следом, взгромоздилась напротив неё за барную стойку, огляделась по сторонам, и такая знакомая кухня мне первый раз почудилась незнакомой.

Заброшенной и неудобной.

– Я тоже, – она отозвалась угасающим эхом.

Опустила, замолкая окончательно, голову на сложенные замком руки.

Тупиковый разговор.

И вздохнула уже я, подумала и встала, чтоб кофе сварить, ибо, когда всё плохо, мы покупаем красное полусладкое и грузинское, но, когда всё хуже некуда и жизнь летит в тартарары, как сегодня, мы варим кофе.

Чтоб зёрна сильной обжарки.

Горький шоколад.

И апельсиновая цедра.

Панацея ото всех проблем и разбитых сердец у каждого своя.

– Он сказал, что я не соответствую его уровню, – Милка заговорила негромко, начала рассказ, когда я, уже обжарив зёрна, в кофемолку их высыпала. – У него впереди карьерный рост и светлое будущее, а у меня... я сижу без образования в захудалом магазине затюханой продавщицей. Это мой потолок. Я же дура тупая.

Язык, чтоб не высказаться, я прикусила.

С-с-су... сумчатый.

Идиот.

Мила умная.

Просто дико упрямая и принципиальная. Либо всё, либо ничего. Ещё в десятом классе она решила быть клиническим психологом, грезилась идеей людям помогать. И было бы всё легко и просто, по плану и мечте, поскольку экзамены она сдала хорошо, просто отлично. Ту же биологию лучше неё только Ромка написал, но... имелась одна проблема.

Единственная загвоздка.

Дорогая.

На клинических психологов в нашей областной столице учили только в медицинском и только платно. И цифра там значилась даже за один год такая, какой у Милы и ба никогда не было и быть не могло. И уезжать в другой город, ещё дальше от ба, Милка отказалась сразу и категорично, как и рассматривать другие варианты и институты.

Гордо задрав нос, она пошла зарабатывать на мечту. Мыла полы, сидела с детьми, раздавала листовки, работала в магазине.

И врезать Юрке за «затюханую продавщицу» я хочу сильно и лично.

– Ещё он в Турцию хотел, в июле, – Мила шмыгнула носом, – билеты уже заказал, а я... я не могу. У меня же ба, я ей обещала приехать. Помочь. Там грядки и картошка. Ба хорохорится, конечно, но ты же знаешь... Я ему сказала. И что он может поехать со мной. Решила позвать в деревню. Дура. У нас с этого всё и началось...

Ну да, в принципе, логично.

Где Турция, а где огород в деревне у ба.

У Анны Николаевны, что Милу и вырастила. Забрала в небольшой районный город из столицы, когда Милкина мать после первого сентября уехала за лучшей, а главное свободной жизнью. Она повязала с утра дочери банты, а после обеда, когда Милка с приехавшей по случаю торжества ба вернулись из школы, её уже не было.

Ни в квартире, ни в городе.

Осталась на память только записка.

И Анне Николаевне пришлось забирать внучку с собой, устраивать в школу, мою и Ромки. Так, в нашем классе во вторую неделю сентября, в общем-то, и появилась рыжая, веснушчатая и улыбочивая Мила Залесская.

Её посадили перед нами.

И за кудрявую прядь в первую же минуту Ромочка её дёрнул. Получил в ответ пеналом по вихрастой голове.

И вендетта была начата именно тогда, да.

Когда же мы закончили школу и уехали покорять столицу малую, то Анна Николаевна как раз вышла на пенсию, решила переселиться в деревню, благо там имелся чуть ли не двухсотлетний дом.

Так сказать, родовое гнездо.

– Просто, Варька, он же полгода ухаживал, – она, заторможенно подняв голову, уставилась на меня беспомощно и растерянно, – а теперь оказалось, что это я за ним бегала.

Чего?!

От изумления я чуть не проворонила кофе, успела с тихим, но прочувственным чертыханьем снять турку в последний момент.

И к столу я привалилась.

Обалдеть.

Я... я никогда не забуду этих в лучших традициях всех романтиков ухаживаний. Надписи на асфальте, милые и огромные пылесборники, признания с рупором во дворе дома, красивые стихи, охапки роз.

Поездка в Питер, когда Юрец, встав у одного из разведенных мостов на колени, кольцо жестом фокусника вынул, позвал чуть дрожащим от волнения голосом замуж.

Милка, расплываясь в счастливой и потому идиотской улыбке, рассказывала подробно.

– Вот же...

Это, пожалуй, было всё, что я не менее растерянно смогла протянуть в ответ.

Она же в который раз вздохнула.

И слёзы по щекам покатались бесшумно, брызнули.

– Ми-и-и-л, – я протянула жалобно, подошла, чтобы к себе её притянуть и по голове, как маленького ребёнка, погладить, предложить. – Хочешь, я Ромке позвоню, а? Он этому козлу мозги прочистит и на место вставит.

– Не хочу, – Милка, всхлипывая и утирая нос, улыбнулась сквозь слёзы. – Этот дурак в прямом смысле слова Ю-Юре мозги прочистит. И кости заодно переломает.

– Подумаешь, – я фыркнула безжалостно, махнула рукой и отошла, чтобы кофе по вытасненным кружкам разлить, поставить их на стойку. – Юрца не жалко.

– Варька, – Мила, шмыгая и моргая слипшимися ресницами, прошептала тихо, – как хорошо, что ты приехала...

– Пей давай, – я, садясь на своё место, вздохнула.

Подумала, что Ромочке всё же пожалуюсь.

Втихую.

И про сломанный нос Милка никогда не узнает. Не первый, в конце концов, нос её поклонника, который окажется сломанным.

– А я решила документы в этом году подать, – она, послушно обхватив кружку обеими руками и посмотрев поверх неё на меня, призналась одним губами. – У меня на год хватит.

– Значит, не всё так плохо в нашей жизни? – я, подмигнув, улыбнулась широко и про собственный институт мысли задавила.

Не сегодня.

Сегодня очередь перетирать кости Юрочке.

11 июня

Телефонный звонок раздался в два часа ночи.

Я ещё не спала, сидела и читала «Ярмарку тщеславия», до которой у меня, наконец, дошли и глаза, и руки. Попутно я изредка отрывала взор от страниц и косилась на Сенечку, что на свободной половине кровати сражался с огромным плюшевым медведем.

Медведя, как и букет алых роз, днём принес курьер.

От Гордеева.

Я с улыбкой приняла и расписалась, Сенечка с заинтересованным фырканьем обнюхал презент, а после обнял его, как родного. Признал, видимо, в нём родственную душу, с которой можно и обниматься, и сражаться.

Пытаться распотрошить.

И кому сделан подарок, наблюдая, как енот целеустремленно пытается дотащить медведя до своей части оккупированной кровати, я поняла. Увидела сразу, как и первый уже вылезший синтепон.

Так вот: я читала, Сенечка терроризировал медведя, а Ромка мне позвонил.

В два ночи.

Первый раз в жизни.

Поэтому я перепугалась и с кровати, удивляя енота, подскочила.

– Ром, что случилось?!

– Варь, ты не спишь? – приглушенным и страшным голосом поинтересовался мой лучший друг, пугая ещё больше.

– Нет. Ро-о-ом...

– А Дэн спит? – игнорируя и перебивая, спросил он тем же шёпотом.

Я выглянула в коридор, дабы полоску света из-под двери соседа узреть и Роме, невольно переходя тоже на шёпот, ответить:

– Кажется, нет.

– Опа, отлично! – резко изменяя голос на бодро-радостный воскликнул Ромочка и деловито принялся командовать. – Так, Варвар, шуруй быстро к нему и спрашивай, что такое эпигенетика.

– Чего?!

Как стояла, так и села.

От удивления, переходящего в возмущение, которое в свою очередь преобразовалось в бешенство, нервно дергающийся глаз и желание убивать.

Значит, я тут волнуюсь, пугаюсь, не знаю, что и думать, а он... он...

– Варвар, не тупи! – недовольно проворчал он и повторил по слогам. – Э-пи-ге-не-ти-ка! Что сложного?! Нет, оно, конечно, само по себе сложно, но не понятие же! В общем, сходи и спроси у своего ботаника, что это такое, а то я разобраться не могу. Полная дичь, – пожаловался этот... этот друг и тут же взволнованно предупредил. – Только проси, чтоб объяснил тебе, как чайнику. Максимальному чайнику. Поняла?

– Ром, ты там свою биологию переучил? – сдерживая клокочущую ярость, нежно спросила я.

– Нет, скорее недоучил, – протянул он тоскливо.

– Ну так иди и учи, придурок.

Спустя полчаса я уже легла, засыпала и не заснула.

Ромочка позвонил снова.

– Варвар, ну будь человеком. Это любимая тема завкафедры и дополнительный вопрос, если дело – труба. Прояви сочувствие и понимание к ближним!

– Ром, иди к чёрту! – я, отказываясь проявлять сочувствие и понимание, зевнула, послала душевно и предложила, сжалившись, разумно. – Спрашивай сам!

– Не могу, – он от столь хорошей идеи взвыл раненым зверем, спросил отчаянно. – Ты что, не понимаешь?!

– Нет.

Ромка засопел обиженно, подумал, попытвет в динамик, и недовольно проворчал:

– Что такого, если ты заинтересуешься такой крутой и современной наукой и захочешь расширить кругозор?

– В полтретьего ночи?!

– Да. Иди и спрашивай. Как говорил Паганель, любое время хорошо для пополнения знаний! – невозмутимо и крайне поучительно объявил Ромочка.

И отключился.

– Иди в баню со своим Паганелем и Жюль Верном, – прошипела в погасший телефон я. Перевернулась на другой бок и уснула.

– Варвар, я понял! Короче, слушай. Эпигенетика – это наука о механизме... тьфу, короче, это когда мы меняемся, а ДНК нет! – счастливо проорали мне в трубку в четыре утра.

– Ром? – не открывая даже глаз, ласково позвала я.

– Да?

– Я тебя ненавижу!!!

– Слушай, но я всё равно не понял, – заканючил он в пятнадцать минут шестого и озабоченно продолжил рассуждать сам с собой, – а почему так происходит. Получается, эпигенетика тесно связана с модификационной изменчивостью, что ли?

Телефон я отключила молча.

При встрече убью.

12 июня

Нет, Дэн всё же, определенно и бесспорно, псих.

Ну, правда, чего так разоряться на весь дом?!

Подумаешь, его идеально белый халат случайно – да, я настаиваю, что случайно!!! – постирался вместе с моим бордовым постельным бельем!

И вообще, сам виноват.

Не разбрасывал бы свои вещи, не ходил бы сейчас в белом с розовым отливом.

Вот!

– Нет, ты посмотри!

Бледно-розовой тряпкой потрясли у меня перед носом.

– И? Шикарный образец цвета бедра испуганной нимфы, – отложив пилочку и придирчиво оглядев халат, я вынесла вердикт. – Нет, если ты настаиваешь, то прокрутим ещё раз, и получатся либо дети Эдуарда, либо весёлая вдова.

– Ты издеваешься?!

Ну... не то, чтобы издеваюсь, но за эпигенетику с семи утра – взмыленный Ромочка примчался именно во столько – да, немного мщу.

Этот же псих психанул окончательно и, громко хлопнув дверью, удалился к себе.

– Давай в хлорке замочим, – подумав и сжалившись, я крикнула рациональное предложение.

Прислушалась, ожидая ответа, который, однако, не получила. Вместо него за стенкой что-то звучно свалилось, заругался витиевато Дэн, а я, философски пожав плечами, вернулась к маникюру.

Говорю же, псих...

Знаете, то чувство, когда вдруг ясно и так чётко осознаешь, что всё, пипец, а заодно писец, который полный и полярный, и вообще, вот это, кажется, последние минуты твоей такой короткой жизни?

Это чувство, например, испытываешь в детстве, когда разбил мамину любимую вазу династии Мин или фужер из бабушкиного обожаемого богемского сервиза, коему сто лет в обед. Или же процарапал бок у только купленной папиной машины, когда не успел вовремя затормозить на велосипеде.

Это чувство, напоминая лучшие и самые красочные моменты ранних лет, пришло ко мне и сегодня, когда я заметила в тазике Сенечки небольшую такую раскрытую книжечку.

Синенькую.

И на одной из сторон её красовались золотые буквы, что гордо и важно значили «Зачётная книжка».

И мозг мой, к вящему сожалению, сработал оперативно, выстроил логическую цепочку и мысль, что свою зачётку я уже сдала, а значит, вот эта может быть только...

Я додумала, а из коридора раздался своевременный вопль:

– Варь, ты мою зачётку не видела?

Видела-видела.

А вот ты, к своему счастью и моему здоровью, пока нет.

– Сенека, ты – труп, – я, шипя едва слышно, покосилась на енотистого гада.

Что на кровати развалился безмятежно, привалился к поверженному медведю и фундук за обе щеки уплетал с завидным аппетитом.

Сволочь хвостатая.

Я, надеясь, развидеть увиденное, перевела взгляд обратно на таз с водой и, прощаясь с надеждой, закончила обреченно:

– И я тоже.

Ибо убьют нас обоих, утопят подобно главному документу студента. Вот же ж... так, думай, Варвара Алексеевна, думай!

– Ничего я не видела! – первым делом я завопила громко и возмущенно.

Кажется, чуть нервно, но, будем считать, что только кажется.

Выловить зачётку, а после аккуратно положить её на стол – это второй шаг спасательной операции.

Третий шаг – высушить и вернуть нормальный вид. И вот тут уже пошли загвоздки, поскольку во всезнающем гугле нет статей на тему: «Как незаметно высушить важный документ и выжить». Те же советы, что нашлись, имели в конце скромную и сожалеющую приписку о том, что первозданный вид потерян уже окончательно.

Не вернуть.

Сволочь ты, Сенечка, всё же, нашёл, что тырить и стирать! Полоскун несчастный... Лучше бы ты паспорт взял, что ли.

Его восстановить проще.

И... и вот есть у меня большие подозрения, что в «случайно» второй раз за два часа одного дня мой сосед не поверит.

Жаль.

Я же, правда, случайно.

А зачётку так вообще Сенечка решил помыть.

Случайно.

– Как думаешь, за чистосердечное тебе смягчат приговор и способ убийства? – я, переставая разглядывать слипшиеся страницы и потекшие печати и чернила ручек, мрачно посмотрела на енота.

Он же под моим взглядом неожиданно замер, не донес очередной орех до пасти, прислушался к чему-то и неожиданно нырнул за медведя.

Остался торчать один только полосатый хвост.

Не поняла.

Он что, впервые решил проникнуться и усовеститься?

– Варя... – голос Дэна послышался от двери.

И голос этот, прозвучавший весьма угрожающе и проникновенно тихо, мне не понравился, как и взгляд, что был устремлен на стол и зачётку.

– Только не говори, что это...

Хорошо-хорошо, я послушно промолчу.

Сосед перевёл взгляд на меня. И абсолютное недоверие в его глазах сменилось на абсолютную ярость, под которой молчать дальше мне стало страшно.

Опасно для жизни даже.

Пора, кажется, спасти себя и тикать, поэтому пока он в пару мгновений добирался до стола и меня, я с визжащими оправданиями рванула от стола к кровати и на кровать:

– Это Сенечка!!!

– Я прибью тебя! – взвыл не хуже раненого зверя мой добрый сосед и, отшвырнув зачётку, метнулся за мной.

Ну, правильно.

«Мокрая зачётка – вещь уже бесполезная, можно не беречь», – мелькнуло в голове прежде, чем на инстинктах я швырнула в него подушку – сказался опыт подушечных боев с Милой и Ромой – и кинулась прочь.

- Давай поговорим как взрослые и умные люди с высшим образованием!
- Открой дверь!
- Пообщаемся в тихой спокойной обстановке. Выкурим так называемую трубку мира...
- Дверь открой!
- Обсудим сложившуюся ситуацию...
- Я её сейчас выломаю!
- ...и придем к выводу, что единственный виноватый у нас – это ты! Ой...

Рот рукой я зажала запоздало, а за дверью воцарилась тишина.

Плохая такая тишина.

Гнетущая прям.

Однако, язык мой – враг мой. Я же хотела сказать, что виноват у нас исключительно Сенечка, но... но что-то, как всегда, пошло не так. С другой стороны, я поняла, почему мама с папой были единодушно против моего поступления на международное дело.

Надо признать: дипломатия – это не моё.

– Выйди по-хорошему, обойдемся малыми потерями, – сквозь зубы процедил Дэн.

А я невольно сглотнула.

Малые потери – это он ведь про дверь?

Правда, вслух я уточнила другое:

– На фарш только Сенечкупустишь?

Прости, енотистый засранец, но себя я люблю, тебя – только терплю, а поэтому чья шкура дороже, надеюсь, понятно.

В конце концов, зачётку угробил ты.

Итак за неё прибить пытались почему-то меня, а не хвостатого гада, что спокойно забрался на шкаф в коридоре и, крутя башкой, с интересом взирал на наш забег.

С препятствиями.

И метанием тяжёлых предметов.

– Варя, открывай!

Попавшее в Дэна яблоко вспомнилось некстати, а я поняла, что не-а, не открою. Жить хочется. Если зачётка – это Сеня, то яблоко-то – это я.

Хотя, что такое яблоко по сравнению с зачёткой?!

– Дэн, давай всё-таки поговорим как цивилизованные люди, а?

Хорошее предложение.

Главное, что своевременное, после разнесенной в пух и осколки квартиры. Целым у нас остался только Вася, ибо вопль: «Не трожь Васю!!!» был, кажется, мой, а вот ночь, клей и череп промелькнули у обоих.

– Испорченная зачётка – это же ещё не конец света! – оптимистично и бодро проговорила я.

– Издеваешься?

Скорее, пытаюсь выжить.

– Нет, что ты, – почему-то прозвучало... да, издевательством.

Блин.

– Ты моё проклятие, – тоскливо пробубнили из-за двери, – вместе со своим енотом.

Нет, про енота я очень даже согласна. Он не только твоё, он ещё и моё проклятие.

А вот я – проклятие?!

Да мне даже химичка говорила, что я – ангел! Сквозь слёзы, мысленный мат и скрежетание зубов, правда, но говорила ведь. И не будем уточнять, что вторым словом после ангела было «Преисподней».

Кому важны такие мелочи?!

– Если что, то мне стыдно, – я проинформировала в пустоту и на пол, закрывая глаза, устало опустилась.

– Я две недели учил, а меня из-за тебя даже на экзамен не пустят, – за дверью проговорили глухо и, пожалуй, тоже устало.

Почему сразу из-за меня-то, а? Почему ни одного упрёка в адрес хвостатого поганца – истинного виновника произошедшего?!

Я тяжело вздохнула, мысленно сетуя на несправедливость жизни, и посмотрела на часы.

Пол-одиннадцатого.

И да, елот всё же временно мой, поэтому... я, потянувшись, дверь открыла и с опаской посмотрела на сидящего сбоку, у стены, Дэна, что голову ко мне медленно повернул, посмотрел нечитаемым взглядом.

– С меня – фен, с тебя – обещание не убивать. По рукам?

К двум часам ночи мы решили, что зачётка с натяжкой, но тянет на официальный документ и молча разошлись по комнатам.

13 июня

В восемь утра позвонил Ромка и заговорщическим шёпотом спросил:

– Варвар, а что мне пожелать надо?

– Мозгов? – я спросила с обреченной надеждой.

– Не-а, думай, Варвар, думай!

– Пойти к чёрту, – медленно, но неумолимо засыпая, пробормотала я, – пожелать тебе надо.

– Варвар!!! – он рявкнул.

Громко.

Так, что от его вопля меня подбросило, заставило проснуться моментально. И, садясь в кровати, рявкнула уже я:

– Рома, ты... ты кретин!

– Два часа назад твой сосед сказал мне тоже самое, – странно довольным тоном протянул мой лучший на свете друг.

Ещё бы!

До двух часов ночи мы не спали вместе.

– Ладно, злобный Варвар, не злись, – подхалимским тоном пропел Ромочка и, переставая вдруг издеваться, заговорил уже серьёзно. – У меня к тебе шикарное предложение. Пошли сегодня с нами в «Тиволи».

– Куда?!

На кровати меня подбросило второй раз, а спать расхотелось окончательно.

– Варвар, не тупи. Ты слышала!

Слышать-то слышала, но поверить как-то не очень получилось.

«Тиволи» – это ж...

– Миллионер ты мой, – я, старательно подбирая слова, проговорила ласково, предложила душевно так, – колись, кого ограбил. Или по совету Милки всё ж в альфонсы подался? Откуда у тебя деньги на «Тиволи», мажор?

Итальянский, блин.

Нет, Ромку, конечно, родители финансово спонсировали. И сам он подрабатывал, получал опять же за соревнования, но не так, чтобы идти тусоваться в самый известный и дорогой клуб нашего города.

Шутка, что даже стоять около «Тиволи» можно только платно, не такая уж и шутка.

– Расслабься, Варвар, мы по благу, – он гоготнул довольно. – У нашей Дахи брат имеется, который в свою очередь в друзьях имеет владельца этого самого клубного рая, так что... прыгай... нам скидка на алкоголь и бесплатный вход.

Кто такая Даха, я не особо поняла, кто чей друг-брат тоже, но... я поняла главное: мне только что предложили халявный отрыв в лучшем клубе.

Та-да-да-дам!

Ромочке в мгновение ока было даровано всепрощение за звонки по ночам и ранним утрам, а заодно отпущены все косяки на полгода вперед.

Благодетель мой!

– Так ты идёшь, Варвар?

– Конечно! – настроение вместе со мной радостно скакануло вверх, а я, опережая себя же, быстро затараторила. – Где, во сколько?

– В десять, у старой башни, и... – Ромка, удивляя, запнулся, помолчал, а после вздохнул и неохотно проворчал, – и подругу свою умалишенную зови. Иначе она там окончательно по фазе двинет, а я ещё не психиатр. В общем, звони ей. Хватит выть из-за этого... ныне болезного.

Уточнять, что ж ныне приключилось с Юрцом, я мудро не стала. Меньше знаешь – меньше, как говорится, шансов пойти свидетелем в суде.

Да и болезный – это ещё не покойный.

Можно не волноваться.

– Сам не хочешь ей позвонить?

– Если я позову, то точно не пойдет, – Ромочка отозвался меланхолично.

Флегматично.

И на миг показалось, что он уже звонил, предлагал и отказ получил, но глупая мысль – Ромка это скрывать не стал бы – только промелькнула и исчезла, а я, пусть он меня и не видел, активно закивала:

– Позвоню, позову.

Не одной же мне в такую рань просыпаться.

Ближних тоже надо радовать.

И, когда мой первый ближний уже собрался отключаться, я его окликнула:

– Ром?

– Ну?

– Ни пуха, ни пера.

– Иди к чёрту, Варвар!

Моё прекрасное настроение продержалось до одиннадцати утра. Ни кислая рожа Дэна, что мрачной тенью собирался на экзамен, шатаясь по квартире, ни наглая морда Сенечки, что стащил стирать мою очередную футболку, не смогли его испортить.

А вот загромыхавший в пустой квартире звонок и елейный голос моей однокурсницы Ксении Глебовны, которая подрабатывала в родном деканате и которую в рабочее время следовало именовать исключительно по имени-отчеству, настроение подпортили.

До гримасы.

И ответного приторно-милого голоса.

– Варечка, – пропела сладко-гадко она, – твои документы готовы, можешь приходить и забирать.

Отчаливать.

Просилось третьим жгущим глаголом, но вслух, вежливо, оно сказано не было. Женская нелюбовь – она такая, вежливая.

И с реверансами.

– Скоро буду, Ксения Глебовна, – я, корча злобно-страшную рожу окну и своему размытому отражению, пропела ещё более сладко-гадко в ответ. – Спасибо, золотце, за оперативность.

И расторопность.

Мои документы, думается, она готовила и уносила на подпись с большим рвением и удовольствием. Дышаться в стенах родного вуза ей теперь, определенно, станет легче. Не будет ведь меня там больше.

– С-стерва! – я, заканчивая светскую беседу о природе, погоде и последней моде, швырнула телефон на кровать.

А Сенечка, отвлекаясь от постирушек и задирая ко мне морду, фыркнул согласно.

В кои-то веки очень в тему.

По дороге в почти уже не родной университет я купила вишнёвый пай и, подумав, банку настоящей сгущенки, любовь к которой ещё на первом курсе и первой практике привил нам Геродот.

Доказал, улыбаясь и посмеиваясь, что на раскопах, в походных условиях с кострами и палатками, без сгущенки совсем грустно и печально.

И, пожалуй, расставаться с ним мне тяжелее всего.

Он же любимый учитель.

Он очаровал археологией, шутками и историями из жизни. Он восхитил и влюбил в себя с первой встречи и лекции, и разочаровывать его мне не хотелось.

Только вот и не разочаровывать не вышло.

Не будет из Варвары Лгуновой светила исторических наук, не стану я больше забегать к Геродоту на чай, и бесед, попутно проверяя мои познания, мы больше с ним вести не будем.

Сегодня я в последний раз прошла по пустым и гулким коридорам корпуса. Взбежала, махнув студенческим, на четвертый этаж, где расположился наш деканат, до которого я никем не замеченной и не опознанной добралась.

К счастью.

Для общения и прощания со знакомыми и однокурсниками – бывшими – мне за глаза хватило Ксении Глебовны, которая с торжественным видом и плохо скрываемой злорадно улыбкой справку мне вручила.

Вышла следом за мной в коридор.

Проводить.

– Ох, Варенька, не понимаю я тебя. Чего ты вдруг решила уходить, а? И куда ты теперь? Первая студентка группы... – Ксюша с наигранной печалью покачала головой, посмотрела на прилепленный стенд с фотографиями и надписью «Гордость факультета».

Подпись «Варвара Лгунова» значилась под первой фотографией в верхнем ряду. Красивая фотка вышла. Мелькнула мысль отодрать её и забрать.

Что?

Всё, я больше не гордость факультета!

– Скучно стало, – я улыбнулась насмешливо, безмятежно и легко, проговорила, помахивая справкой, с театральной печалью. – Никаких развлечений.

И такого ответа Ксюша, пожалуй, не ожидала, потому что нарощенными коровьими ресницами она хлопнула удивленно. Изобразила широкими бровями, что уползли вверх, изумление, и на меня Ксения Глебовна посмотрела... выразительно.

Ну да.

Кто бросает университеты из-за скуки?!

Вот Ксении Глебовне, что в храм науки однажды попала, даже в голову не пришла бы подобная крамольная мысль.

Умные люди такое не вытворяют.

– Ладно, удачи вам тут. Как говорится, *historia est magistra vita*, – я, с намертво приклеенной улыбкой, помахала на прощание, проговорила банальный девиз факультета и, задрвав высоко и гордо нос, пошла прочь.

На третий этаж, а там через коридоры-переходы-лестницы до кабинета по работе со студентами, постучалась, задержав дыхание и отсчитав до трёх, и...

...и пять минут, и я свободный человек.

Человек с неоконченным историческим образованием, школьным аттестатом и академической справкой в руках.

Геродота я отыскала в одном из кабинетов библиотеки, где он, в перчатках и с лупой, изучал старинный фолиант.

– Илья Германович, можно?

Я, сунув голову в дверь, постучала вежливо.

– Варя, – бывший мой профессор, поднимая убелённую сединой макушку и ставя на стол руку с лупой, второй знаменитые очки в золотой оправе обратно надвинул, нацепил на нос.

Улыбнулся тепло.

– Я тут... попрощаться зашла, – я несмело улыбнулась в ответ, приподняла для наглядности картонную коробку с вишнёвым паем.

А Геродот окинул меня долгим и внимательным взглядом, выпрямился, чтоб толстенную и громоздкую книгу неспешно закрыть, убрать её осторожно на полку, а после, стоя ко мне в пол-оборота, перчатки по пальцу педантично стянуть.

Приказать, поглядев на меня косо:

– Ну-ка пойдем, Варвара Алексеевна, прогуляемся мы с тобой.

– А чай? – я вякнула жалобно.

Но меня, отобрав и отставив несчастный пирог в сторону, из библиотеки настойчиво вывели, подхватили – явно подозревая, что могу удрать, – под руку. И к липовому скверу, который располагался через дорогу, мы пошли.

Зашагали молча по тенистой аллее, по которой с Вадиком я сто тысяч раз гуляла.

Или с группой.

Ни разу ещё с Геродотом, но вот... довелось. И на скамейке в тени раскидистой старой липы мы расположились чинно.

Странно, поскольку чудно было быть в парке с Ильей Германовичем.

– Давай, Варька, начистоту, – он, нарушая молчание и снимая очки, дабы их протереть, велел строго.

А я тяжело вздохнула.

Попыталась объяснить, рассказать... начистоту. И... и Ксюше я, в общем-то, не соврала, ответила честно, что скучно мне стало.

Неинтересно.

Как-то незаметно и непонятно в какой именно момент, но стало. Монотонно, однообразно, по миллионному кругу, когда ты наизусть знаешь этот круг. Понимаешь чётко, что нового в нём ничего уже быть не может.

Не появится.

Не изменится время обнаружения Розеттского камня или год Полтавской битвы. Не совершится открытие чего-то нового и глобального, потому что гробницы Тутанхамона или терракотовые армии открывают раз в столетия, единицы, а... откапывать, стирая до кровавых мозолей руки, черепки кухонной утвари под палящим солнцем я не смогла.

Не моё.

Я... я ошиблась.

Я знаю историю, я люблю её, но нет во мне энтузиазма и увлеченности настоящего историка или археолога. Меня раздражают пыльные архивы, в которых, разбирая и ища, можно самой на долгие века закопаться под кипами бумаг. Мне прискучивают размеренные беседы умных мужей, где сплошные сноски на великие труды, сухие даты и голые факты.

История... она же живая.

Она – это люди, их судьбы, победы, трагедии, вот только о них, людях, говорилось короткими фактами или не говорилось совсем, упоминались лишь имена. Училось, вводя в тоску, совсем другое.

История изучалась умно и научно, не так, как представлялось и ожидалось мне. Не было в ней никакой романтики, приключений, захватывающих легенд и... жизни. Мои розовые очки разбились больно и внутрь, окончательно. Но как объяснить это Геродоту я понятия не имела, поэтому вышло сумбурно и малопонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.